

У НИКИТСКИХ ВОРОТ

литературно-художественный альманах

№¹₍₂₀₂₀₎

Алесь **К**ожедуб
Аркадий **М**ар
Мария **П**арамонова
Виктор **П**ронин
Олег **С**еврюков
Ольга **Ш**евчук...

>> **Максим Замшев**
«Концермейстер»

Альманах
У Никитских ворот.
Литературно-художественный
альманах №1(7) 2020 г.

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63010072

*У Никитских ворот. Литературно-художественный альманах №1(7)
2020 г.: ИПО «У Никитских ворот»; Москва; 2020
ISBN 978-5-00170-130-9*

Аннотация

Альманах «У Никитских ворот» – литературно-художественный журнал, основанный издательством "У Никитский ворот" совместно с Московской городской организацией Союза писателей России. Выходит 2 раза в год при информационной поддержке «Литературной газеты». Среди авторов альманаха – как известные имена (Максим Замшев, Юрий Поляков, Виктор Пронин, Владимир Гусев, Юрий Безелянский), так и писатели, чей успешный творческий путь начался именно со страниц этого издания.

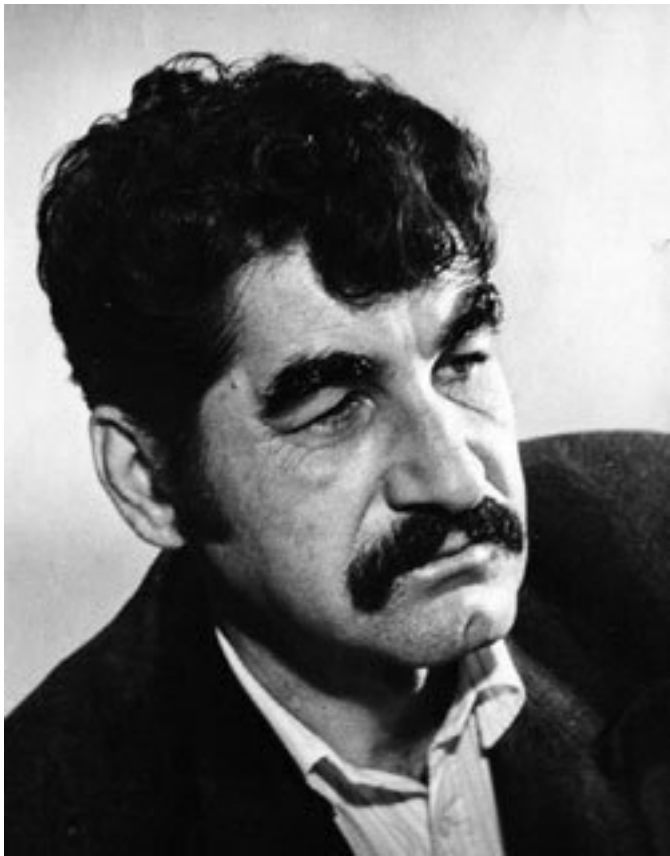
Содержание

Публицистика	4
Пётр Ткаченко	4
За пушкинской строкой	6
«Жизни мышья беготня...	6
«Дом уединённый...»	21
Прозаические меридианы	25
Светлана Ахтямова	25
14 февраля	27
Василий Головачёв	30
Рыжий	31
Максим Замшев	70
Концертмейстер	73
Николай Иванов	108
Свете тихий	110
Конец ознакомительного фрагмента.	117

**Альманах
У Никитских ворот
Литературно-
художественный
альманах № 1(7) 2020 г**

Публицистика

Пётр Ткаченко

Ткаченко Пётр Иванович – литературный критик, публицист, прозаик. Родился в 1950 году на Кубани, в станице Старонижестеблиевской. Окончил Владикавказское высшее общевойсковое командное училище и Литературный институт по семинару критики. Служил в войсках. Работал в журнале

«Пограничник», газете «Красная звезда», в Военно-художественной студии писателей, главным редактором редакции художественной литературы издательства «Граница». Полковник в отставке. Член Союза писателей России.

Автор многих книг, в том числе «Где спит казацкая слава», «В поисках града Тмутаракани. Невостребованные размышления о русской литературе и жизни», «Не для меня придёт весна», «Возвращение Екатерины», «Слово о Мараварской роте», «Кубанские зори», «Драма грозного царя», «Когда же произойдёт смена вех? (Новая смена вех)», «Кубанский лад. Традиционная народная культура: вчера, сегодня, завтра», «Кубанские байки. Та брехня, что лучше правды», «До разгрома и после него» и других.

Пётр Ткаченко – составитель первого словаря кубанского диалекта «Кубанский говор. Балакачка» за всю его историю. Издатель авторского литературнопублицистического альманаха «Солёная Подкова».

За пушкинской строкой

«Жизни мышья беготня...

Что тревожишь ты меня?»

В словах гениального человека, в стихах большого поэта, как правило, ничего не бывает случайного. Даже отдельная

строка, вроде бы вскользь брошенная фраза, содержит в себе некую глубину о человеческой жизни, о её сущности и устройстве, о путях её познания, о духовной природе человека. Скажем, в строчке А. Блока из «Пролога» поэмы «Возмездие»: «Познай, где свет, поймёшь, где тьма». Почему именно так, в такой последовательности: *свет*, а потом уже *тьма*? Вроде бы, могло быть и наоборот. Нет, не могло, не может. Ведь в этом стихе воплощена закономерность познания мира. Познавший свет поймёт и тьму. Но начавший познание этого мира с тьмы, даже в форме осуждения и отрицания её, никогда не пробьётся к свету, к духовному смыслу человеческого бытия. Муза «отрицанья» имеет свои зримые земные пределы.

А потому за точное понимание классики всегда шла и идёт внешне неприметная, но жёсткая борьба. Что делать, коль люди зачастую склонны не подниматься на духовную высоту поэта, а его низвергать с высоты к себе, из бытия – в быт. А в периоды мировоззренческого анархизма и надорванности душ и вовсе сбрасывать его с «корабля современности», как «мешающего» им в их земных делах. Мотивируя это варварство «современностью», как несомненной драгоценностью. Хотя для постижения современности есть другие, более надёжные, чем литература, средства и формы сознания. И это несмотря на то, что «несовременного искусства не бывает» (А. Блок). Если, конечно, это искусство. Ведь «сущность поэзии, как всякого искусства, неиз-

менна» (А. Блок). Или – в оправдание духовной немощи выдвигается «новое» искусство, то есть заменитель, имитатор искусства. «Но никакого нового искусства не будет. Оно – вечное, как душа человека. Мечты о *новом* искусстве – судороги истощённого германо-романского мира в его добросовестнейших представителях» (Ап. Григорьев в письме к А. Н. Майкову 21 января 1858 г.). Если, конечно, исключить душу человеческую из этого мира, тогда можно говорить о «новом» искусстве. Но зачем нам такое «искусство»? С ним скучно на белом свете, господа!

О том, как такая подмена происходит, проследим на примере толкования одного стихотворения А. С. Пушкина. Это – «Стихи, написанные ночью во время бессонницы», созданные в Болдино в 1830 году:

Мне не спится, нет огня;
Всюду мрак и сон докучный.
Ход часов лишь однозвучный
Раздаётся близ меня.
Парки бабье лепетанье,
Спящей ночи трепетанье,
Жизни мышья беготня...
Что тревожишь ты меня?
Что ты значишь, скучный шёпот?
Укоризна, или ропот
Мной утраченного дня?
От меня чего ты хочешь?

Ты зовёшь или пророчишь?
Я понять тебя хочу,
Смысла я в тебе ищу...

В таком виде это стихотворение публикуется, в том числе и в академических изданиях (том третий, М., Л., 1950). В то время как в подлиннике поэта оно выглядело иначе. Вместо последнего стиха «Смысла я в тебе ищу...» у А. С. Пушкина: «*Тёмный твой язык учу...*». И поскольку это различие далеко не формально, а очень значимо и существенно для понимания мира поэта, остановимся на нём и попытаемся объяснить, почему утвердилась такая неточность, а по сути, подмена.

Литературовед А. В. Чичерин в своё время убедительно обосновал подлинность пушкинской строки «Тёмный твой язык учу...», объяснил причину её подмены: «Именно эта важнейшая строка изъята из лирики Пушкина. В десятичном издании Академии наук эта строка не приводится даже и в комментариях, она совершенно скрыта от читателя. Замена этой логически необходимой строки вялой, газетной строкой “Смысла я в тебе ищу”, внесение дурной рифмы, невозможной в завершённом произведении Пушкина, столь же невозможное для Пушкина топтание на месте – тавтология самая пресная, всё это вызвало в своё время негодование многих пушкинистов, в том числе Н. К. Гудзия, С. Н. Дурылина, Г. И. Чулкова, но *педанты настояли* на своём, и

читатель привыкает к происшедшей замене. Чем же объясняется эта замена?

Стихотворение это впервые появилось в первом посмертном Собрании сочинений Пушкина с изъятой в современных изданиях строкой. В таком виде оно и вошло в сознание читателей нескольких поколений.

Наборная рукопись обнаружена не была. А в черновиках поэта был найден текст с окончанием: “Смысла я в тебе ищу”. Кто внёс последующее исправление? Поэтическая логика этого стихотворения, как мы видели, настойчиво говорит о том, что Пушкин сам завершил это стихотворение, и именно в таком завершённом виде, с заключительным звеном: “Тёмный твой язык учу...”, оно попало в печать. Логика образа должна бы убеждать сама по себе. Но не всех она убеждает. Требуют фактов, документов, а их нет. Высказывают предположение, что стихи были опубликованы с поправкой Жуковского. Этого тоже ни доказать, ни опровергнуть нельзя. Ведь рукописи с поправкой Жуковского тоже нет. ... Можно поэтому сомневаться в подлинности этой строки, *но скрывать её от читателя нельзя...* В этой концовке Пушкин остаётся самым собою: “Учусь удерживать вниманье долгих дум...”, “Учуся истине...”, “Тёмный твой язык учу”. Мне хочется повторять эту строку, чтобы читатель её запомнил и твёрдо знал, как на самом деле заканчиваются “Стихи, сочинённые ночью во время бессонницы”» (А. В. Чичерин. «Очерки по истории русского литературного стиля».

М., «Художественная литература», 1977). Значит, после гибели А. С. Пушкина долгое время стихотворение это публиковалось со строчкой «Тёмный твой язык учу...». Несколько поколений читателей знали его именно таким. Что же произошло? Что стало причиной и поводом для внесения правки? Вослед за А. В. Чичериным мы задаёмся вопросом: «Чем объясняется эта замена?» И поскольку внятного и убедительного объяснения такой «правки» нет, остаётся считать «причиной» соображения не поэтические, не текстологические, не филологические, а то, что «педанты настояли». Причём, вопреки возражениям известных, серьёзных пушкинистов. То есть, надо полагать, преобладание в обществе получило мнение «педантов», позитивистов, для которых тайн человеческих не существует. На все случаи должен непременно быть «документ», справка, то есть гармония должна поверяться алгеброй, что исключает всякую необходимость гармонии, поэзии... Уже только эта беспричинность вмешательства в пушкинский текст, казалось, должна была побудить последующих филологов и издателей пересмотреть эту «правку» и вернуться к тексту А. С. Пушкина. Тем более, что в такой замене различается преднамеренность и умысел. Разве не внесение этой, долгое время публиковавшейся строчки, в комментарии академических изданий, где она должна быть обязательно, не говорит об этом? Но ничего подобного не произошло. Более того, необходимость возвращения к пушкинскому подлиннику оспаривается.

К примеру, Геннадий Красухин считал, что публикация этого стихотворения со строчкой «Тёмный твой язык учу...» была недоразумением: «Но имя Пушкина стояло под этим по недоразумению. Последняя строчка – Жуковского. Это он после смерти Пушкина так “поправил” показавшуюся ему небрежной рифму “хочу – ищу”. И такая редакция сейчас же отразилась на стихотворении, исказила его».

«Смысла я в тебе ищу...» – сказал Пушкин, и эта фраза увенчала череду его вопросов: «Что ты значишь?», «от меня чего ты хочешь?» («В присутствии Пушкина», М., «Советский писатель», 1985). Основание для «правки» – что это якобы строчка Жуковского. Да, В. А. Жуковский позволял себе делать изменения в публикуемые им стихотворения А. С. Пушкина. Но нет никаких доказательств, что он «правил» и это стихотворение. Г. Красухин же выводит принадлежность «правки» Жуковскому из его мироощущения, склонности его к мистицизму, к «тьме» и мечтательности, что явно несостоятельно. На это А. В. Чичерин справедливо писал: «Говорят ещё, что “тёмный твой язык...” – в духе самого Жуковского и будто бы даже не в духе ясного и дневного Пушкина. Но говорящие так как будто и не читали “Ночь”, “Заключение”, “Бесы”... У Пушкина и “мрак”, и “спящей ночи трепетанье”, и ночные шорохи и шумы ведут к невозможной у Жуковского отчётливости и такой прояснённости мысли, которая приглашает вас к пониманию ещё незнакомого, но в себе самом ясного и доступного языка». Не выводится из

этого авторство «правки» Жуковского. Если же это дописал он, то «Позволительно только заметить, что если бы и была такая поправка, то нужно было бы признать, что Жуковский завершил стихотворение гениально и совершенно в том духе, как оно начато и как шло до последней, заключительной строчки». (А. В. Чичерин).

Нам известно только, что В. А. Жуковский в 1841 году опубликовал это стихотворение со строчкой: «Тёмный твой язык учу...». И нет свидетельств, что он это стихотворение поправлял...

Главным же аргументом в пользу того, что стихотворение искажено, чего не почувствовал Г. Красухин, является «тавтология самая пресная» двух заключительных стихов:

Я понять тебя хочу,
Смысла я в тебе ищу.

Стремление «понять» и поиски «смысла» суть одно и то же, ничем не оправданный повтор, тавтология. В подлиннике стихотворения говорится о другом. Желание понять жизнь, её «мышью беготню» продолжается сообщением о том, как, *каким образом это достигается*: «Тёмный твой язык учу...». Поэт говорит о способе достижения смысла – изучением «тёмного языка». Так же, как в «Борисе Годунове»: «Учусь удерживать вниманье долгих дум...». А потому стихотворение должно завершаться так:

Я понять тебя хочу,
Тёмный твой язык учу.

Здесь «тёмный», вовсе не значит неразвитый или отсталый, но – неизвестный, таинственный. Так же, как у А. Блока в «Возмездии»: «Два-три звена – и уж ясны / Заветы *тёмной* старины...». «Тёмная» старина – вовсе не уничтожение её. Но ещё неясная, таинственная...

Этому живому постижению смысла через постижение «тайного языка» противостоит в стихотворении А. С. Пушкина статичное античное «Парки бабье лепетанье», богини судьбы, прядущей нить человеческой жизни. Пушкин и поминает-то Парку мимоходом, небрежно и даже уничижительно: «Парки бабье лепетанье...», *лепетанье*... В том значении, что не она откроет ему смысл и тайну жизни, но изучение «тёмного языка».

Это не всегда понималось и уяснялось даже, вроде бы, искушёнными литераторами. Во всяком случае, В. Брюсов в одноимённом стихотворении «Парки бабье лепетанье», представляющем собой перепев пушкинского, пророчество связывает с Парки лепетаньем, от которого «жутко». Хотя какое от неё пророчество, если известно, что нить её когда-нибудь, да оборвётся. Обретение смысла связывает с ней: «Томных звуков нарастанье / Смысла грозного полно». А в другом стихотворении «Веретёна» закон бытия В. Брюсов тоже связывает с Паркой. Судьба – в её руке, в её жужжа-

щем веретене: «Что назначено, то будет! Исполняется закон / Под звенящее жужжанье вдохновенных веретён». То есть В. Брюсов не смысл постигает, а представляет значение Парки. Не с помощью её постигает жизнь, а жизнь подгоняет под античный канон... Таким образом, как перенесением значения Парки в нынешнюю жизнь, так и исключением из стихотворения «тёмного языка» уходит главное, чему и посвящено стихотворение: как человеком обретается смысл жизни, как за её внешними проявлениями, её «мышьей беготнёй» постигается истинный смысл. А почему «тревожит»? Потому, что без этих внешних, обыденных проявлений не бывает и её высокого смысла.

Вот о чём вопрошает в этом стихотворении А. С. Пушкин. Это – вечное, ничем не устранимое терзание человека перед загадочностью и таинственностью мира. Более определённо поэт представит это в «Медном всаднике», где бедный Евгений будет задаваться этим же трудным вопросом о смысле человеческой жизни, но уже не перед «мышьей беготнёй», а перед Божией стихией, с которой и царям не совладеть:

...Или во сне

Он это видит? Иль вся наша

И жизнь ничто, лишь сон пустой,

Насмешка неба над землёй.

Правда, в пушкинском подлиннике речь не о «небе», а о Роке: «Насмешка Рока над землёй». Так же, как в стихотво-

рении Ф. Тютчева «Бессонница»: «Нам мнится: мир осиротелый/ Неотразимый Рок настиг...»

Первые публикаторы «Медного всадника» исправили «Рок» на «небо», не задавшись вопросом: почему «небо», Провидение, Бог будет насмехаться над человеком, если он творение Его?.. Рок в данном случае – участь, жребий, судьба, доля человека, никому неведомая, но неизбежная. И никаким Паркам неподвластная и ими необъяснимая. Так же, как и у А. Блока:

Ты занят всякими делами,
Тебе, конечно, невдомёк,
Что вот за этими стенами
И твой таится может Рок.

Как видим, не было никаких причин первым издателем «Медного всадника» заменять «насмешку Рока» – «насмешкой неба». Ведь в петербургской повести уже говорится о «воле роковой». Но петербургская повесть А. С. Пушкина и до сих пор публикуется с искажениями. Эта правка лишний раз свидетельствует о том, что с публикацией пушкинских текстов у нас не всё благополучно, в том числе и в рассматриваемом нами стихотворении. В самом деле, в публикации «Медного всадника» П. Е. Щёголевым ещё в 1923 году была высказана неоспоримая мысль о том, что текст пушкинской повести должен печататься в том виде, в каком она была представлена царю, а не в том, в какой она оказалась по-

сле незавершённой авторской правки. Но в таком виде последний раз «Медный всадник» издавался П. Е. Щёголевым в 1934 году. Последующие издания петербургской повести были с немотивированной «правкой». Как видим, в пушкинском мире «мышья беготня» жизни, то есть её внешние, повседневные проявления заменяются «Божией стихией», всё определяющей, с которой и царям не совладеть.

Но в учёной и читательской среде присутствует, как аксиома, что строчка – «Тёмный твой язык учу» – В. А. Жуковского, внесённая в текст стихотворения А. С. Пушкина при публикации его в 1841 году. Мол, «вряд ли это сделано на основании обращения к какому-то источнику», «по-видимому, он (этот вариант. – П. Т.) представляет собой поправку Жуковского» (Г. Красулин). Но такая гадательная форма – «вряд ли», «по-видимому» – не является достаточным аргументом для сколько-либо определённых выводов. По этой логике складывается впечатление, что для исследователей важнее *не смысл строчки*, не логика образа, а то, *каким именно путём* она попала в стихотворение, что является всё-таки стороной формальной, а не сущностной. И что, кстати, установить уже невозможно. Таким образом, проблема прочтения пушкинского стихотворения загоняется в тупик, не имея сколько-либо приемлемого разрешения...

Ф. Тютчев в стихотворении «Бессонница» задаётся, вроде бы, тем же вопросом о смысле бытия, что и Пушкин: «Среди всемирного молчанья» и «И наша жизнь стоит пред нами /

Как призрак на краю земли». Пред чем стоит? Пред тем, что мы «природой целой покинуты на нас самих». У Пушкина она тоже как «сон пустой» пред стихией, с которой и царям не совладеть. Но далее Пушкин надеется на обретение смысла жизни за её «мышьей беготнёй». Тютчев же надеется на «новое младое племя». Но там – всё «забвенье». Лишь изредка «голос погребальный / Порой оплакивает нас». То есть и по Тютчеву, а уж тем более по Пушкину, на «новое младое племя» никакой надежды нет. Ведь все поколения разрешают свои сомнения и проблемы сами, ни на кого их не перекладывая. Перекладывание же их «на новое младое племя» означает отказ от их разрешения. Подтверждением же того, что «на младое племя» нет никакой надежды, и является то, как оно прочитывает «Стихи, написанные ночью во время бессонницы». Так, как ему хочется, и так, как ему «надо», но не так, как у Пушкина...

Не Парка пророчествует в стихах А. С. Пушкина, не её «бабье лепетанье» определяет судьбу, а сама реальная жизнь, её смысл, который надо постичь. Потому что «мы, в борьбе, природой целой, / Покинуты на нас самих» (Ф. Тютчев), где уже не помогают никакие Парки, с их «пророчествами», ведь нить когда-нибудь оборвётся. А значит, и – наша судьба. Это и не пророчество вовсе, это известно и без Парок. Пророчество может быть только о смысле жизни, который достигается постижением «тёмного языка» её. Потому жизнь внешняя, как сон – «сон пустой», «призрак», «мы-

шья беготня», «насмешка Рока над землёй», противопоставлена жизни истинной с её «тёмным языком», то есть неведомым языком. Сон противопоставлен бодрствованию: «Итак, бодрствуйте, потому что не знаете ни дня, ни часа, в который придёт Сын Человеческий» (Евангелие от Матфея, 25: 13). К тому же сон, по народному представлению, уподобляется смерти – «вечному сну».

Но если мы «природой целой покинуты на нас самих», что убережёт, что спасёт нас? Тот *смысл*, который хотел понять поэт? Или Бог, без которого вся наша жизнь как «сон пустой, насмешка Рока над землёй?». Или этого смысла без Бога не бывает?.. Задав этот вопрос в стихотворении, А. С. Пушкин разрешает его в «Медном всаднике»...

Но что значит «*природой целой оставлены на нас самих*»? Этой строчкой Ф. Тютчев говорит о нашей выделенности душой и разумом из природы. Где смысл жизни постигается уже не в природе, а только шествием через провалы метафизического разума. А потому никакие «возвращения» в природу невозможны. А если и возможны, то только на четвереньках, то есть ценой утраты своей человеческой сущности... А разве такая утрата возможна? Ведь одно дело неразличение тайны, «таинственной силы», «тёмного языка», и совсем другое, когда они покидают нас. Видимо, это возможно. Писал же поэт из Солнечногорска, мой ровесник и давний товарищ Виктор Гаврилин: «И *вместо тайны* неизвестность / владеет холодом ума. / Где белый храм, / где пепели-

ще – / теперь не сразу разберёшь...». Это – из нашего подзатянувшегося безвременья, без «тёмного языка» и без «таинственной силы». В это «вместо» невозможно было бы поверить, если бы его не было. Вся надежда на то, что «*боль жизни* гораздо могущественнее *интереса к жизни*. Вот от чего религия всегда будет одолевать *философию*» (В. Розанов). В смысле будет одолевать *вера*, то есть духовная сущность человека.

Жизнь истинная – есть «огонь», как в стихах А. Фета. А потому не «жизни жаль», в смысле не «мышьей беготни» жаль, а жаль «того огня», который поэт несёт в себе и который пытается постичь:

Не жизни жаль с томительным дыханьем,
Что жизнь и смерть? А жаль того огня,
Что просиял над целым мирозданьем,
И в ночь идёт, и плачет, уходя.

Истинный поэт всегда, во все времена обретает смысл жизни не иначе, как постигая её неизвестный, «тёмный язык», язык «тёмный, но родной» (Ф. Тютчев)», не иначе, как постигая «таинственную силу», как в стихах Николая Рубцова. И кстати, эту «таинственную силу» редакторы, педанты тоже прячут, называя её в некоторых изданиях неопределённо – «возвышенной». Но в рукописи Николая Рубцова она – именно «таинственная»:

Боюсь, что над нами не будет таинственной силы,
Что, выплыв на лодке, повсюду достану шестом,
Что, всё понимая, без грусти пойду до могилы...
Отчизна и воля – останься, моё божество!

Познание «тёмного языка», «таинственной силы» и есть путь обретения смысла жизни. В процитированном стихотворении Н. Рубцова это означает сохранение Отчизны и воли. Той творческой воли, в её пушкинском значении, в которой только и обретает себя личность. Потому «жизни мышья беготня» так и тревожит, что она так часто заслоняет истинный смысл жизни, её огонь и волю...

«Дом уединённый...»

Удивительно, что наследие наших классиков нередко остаётся неосвоенным и непостигнутым. Даже в наследии А. С. Пушкина текстологическая работа не проведена должным образом. Скажем, в известном стихотворении «И. И. Пущину»:

Мой первый друг, мой друг бесценный!
И я судьбу благословил,
Когда мой двор уединенный
Печальным снегом занесенный,
Твой колокольчик огласил.

Так публикуется это стихотворение и поныне, даже в ака-

демическом собрании сочинений. Между тем, в подлиннике, в рукописи поэта было: «Когда мой ДОМ уединенный». Встреча поэта с лицейским другом произошла 11 января 1925 года.

Список стихотворения был передан Ивану Ивановичу Пущину в Чите 5 января 1828 года Александрой Григорьевной Муравьевой. В 1842 г. брат Ивана Ивановича Пущина Михаил Иванович отыскал подлинник этого стихотворения и передал брату.

Подмена «дом» на «двор» произошла от частого переписывания этого стихотворения. Ведь и А. Г. Муравьева передавала И. И. Пущину не оригинал, а список с него. Об этом писал Анатолий Васильев из Тюмени в «Литературной России» (31.07. 1998 г. № 31).

Но правка в текст столь известного стихотворения осталась невнесённой, хотя её необходимость очевидна.

По смыслу и строю стихотворения должно быть «дом», а не «двор». Ведь не о постройке же говорится в стихотворении, а о символе, о мире поэта. Наконец, в стихотворении «19 октября», в строках, посвящённых И. И. Пущину, в стихотворении, написанном в предшествующем, 1825 году, А. С. Пушкин уже писал «дом», а не «двор».

...Поэта дом опальный
О Пущин мой, ты первый посетил.

К тому же дом поэта имеет не только реально-бытовое значение, но и символическое. Так он и воспринимался позже: «Имя Пушкинского дома в Академии наук». (А. Блок).

Стихотворение ходило в списках, много раз переписывалось. При переписке и была допущена ошибка: вместо дом – двор. Внесение правки в это классическое стихотворение совершенно необходимо. Это в определённой мере подтверждается и тем, что в общественное сознание вошло понятие «пушкинский дом», как, к примеру, в «Стихах, написанных в псковской гостинице» Ярослава Смелякова:

С тех самых пор, как был допущен
в ряды словесности самой,
я всё мечтал к тебе, как Пущин,
приехать утром и зимой.

И по дороге возле Пскова —
Чтоб всё, как было, повторить —
Мне так хотелось ночью снова
Тебе шампанского купить.

И чтоб опять на самом деле,
Пока окрестность глухо спит,
Полозья бешено скрипели
И снег стучал из-под копыт.

Всё получилось по-иному:
День щебетал, жужжал и цвёл,

Когда я к пушкинскому дому
Нетерпеливо подошёл.

Но из-под той заветной крыши
На то крылечко без перил
Ты сам не выбежал, не вышел
И даже дверь не отворил.

...И, сидя над своей страницей,
Я понял снова и опять,
Что жизнь не может повториться,
Её не надо повторять.

А надо лишь с благоговеньем,
Чтоб дальше действовать и быть,
Те отошедшие виденья
В душе и памяти хранить.

Прозаические меридианы

Светлана Ахтямова

Ахтямова Светлана Геннадьевна живёт в г. Пересвете Московской области. Дипломант и лауреат ряда поэтических конкурсов и фестивалей. Печаталась в журнале «Сергиев» и сборнике «Литературный Виток Пересвета». Является членом ЛИТО «Свиток» (г. Сергиев Посад) и «Виток» (г.

Пересвет).

14 февраля

К этому дню Ольга готовилась долго и тщательно. Важно было не упустить ни одной детали – как в оформлении комнаты, так и в выборе наряда для себя.

Это свидание выпало на день солнечный и ясный, слегка морозный и потому весёлый. И Ольга, и Саша должны были работать во вторую смену, а день решили провести вместе, договорившись встретиться у неё.

Ещё с вечера привела она в порядок квартиру, приготовила плотные покрывала для окон, придирчиво осмотрела гардероб, выбирая платье. Мысль – сделать сюрприз любимому – зрела с января месяца, и теперь, в день всех влюблённых, воплощалась в жизнь. Сам праздник, пришедший в начале 90-х годов XX века в Россию, она не принимала, считая его чужеродным и не нужным навязыванием, полагая, что и у нас есть вполне достойные даты, соответствующие русской культуре и вере. Но, тем не менее, решила сделать исключение и соблюсти все условности.

В магазине не оказалось салфеток с сердечками, и, чтобы придать более нарядный вид накрытому столу, на котором уже красовались торт-мороженое в виде сердца, красным сердечком свеча и кофейные чашки тонкого фарфора, Ольга нарисовала сердечки на белых салфетках. «Получи-

лось мило», — подумала она и пошла переодеваться.

Через пару минут раздался звонок, пришёл Саша. Открыв дверь, отступила на два шага назад и остановилась перед закрытой дверью в комнату. Он ахнул, увидев ту, которую добивался два года, во всём великолепии: миниатюрная фигурка, обтянутая платьем в пол, туфли на высоком каблуке, красиво уложенные волосы и лёгкий макияж: она светилась невидимым светом.

— Ну ты даёшь, — только и выдохнул Саша, передавая пакет с подарками и цветы. По восхищённому взгляду было видно: так его ещё не встречали.

Прошли на кухню, и у него вырвался новый «Ах!» восхищения: стол был покрыт белоснежной скатертью с сердечно-романтической сервировкой. Пили кофе с мороженым, говорили о пустяках, время поджигало — вечером на работу. Ольга встала, взяла свечу-сердечко, передала Саше: «Ты неси, а я открою дверь в комнату». И вышла первой, он осторожно двинулся за ней, прикрывая пламя свечи рукой.

В комнате, куда они вошли, было темно: покрывала на окнах, прибитые гвоздиками, создавали иллюзию ночи. На потолке кружились звёзды, мерцая и переливаясь, в такт нежной музыке. Поставив свечу на столик, он обнял Ольгу и прошептал в самое ухо: «Какая же ты всё-таки выдумщица у меня!»

Прозвенел будильник — закончилось время встречи, отрезвляя обоих и приводя в чувство реальности. Застёги-

вая рубашку, Саша мечтательно сказал:

– Так и остался бы здесь навсегда...»

– Что, понравилась ночь среди бела дня? – смеясь, спросила Ольга.

– Да, понравилась... Но я не об этом, я хотел бы остаться здесь навсегда с тобой...

Она подошла, уткнулась головой в грудь, вздохнула...

– Нет, не получится... Не смогу. У тебя – семья, у меня – дети. Одно дело создать призрачность семейного счастья и совсем иное – вовсе забрать.

Ольга ждала и боялась этого дня, когда он готов был уйти из семьи, а она не готова была принять по убеждениям: «На чужом несчастье себе счастье не построишь» и – «Если любишь – отпусти».

Она любила...

Василий Головачёв

Головачёв Василий Васильевич — член Союза писате-

лей России (и Украины) с 1983 года. Автор более 60 романов, более 20 повестей и более 60 рассказов, переиздающихся по сей день огромными тиражами (тираж романа «Смерш-2» достиг более двух миллионов экземпляров). Романы: «Смерш-2», «Перехватчик», «Бич времён», «Схрон», «Посланник», «Черный человек», «Человек боя», «Бой не вечен» и другие на протяжении последних лет регулярно становились бестселлерами. Общий тираж книг превысил 20 млн. экз.

Ассоциация российских космонавтов вручила ему в 2008 году свидетельство о присуждении одной из звёзд созвездия Близнецов имени Василий Головачёв, с вручением регистрационного сертификата и памятного знака.

Имя Василия Головачёва было внесено в Российскую Книгу Рекордов (Гиннеса) как автора 40 оригинальных произведений, изданный почти 20-миллионным тиражом. Хотя к настоящему времени он намного превысил этот рубеж.

Рыжий

Правдивая история

Кот орал ночью так, что Максим проснулся в два часа и подумал: «Кто-то умирает!» – настолько душевные фиоритурь издавал котяра. Зверь буквально плакал и стонал, как человек, испытывающий невероятную боль. Ему было холодно, мучил голод, и в мжаве он изливал своё непонимание че-

ловеческой чѣрствости и отсутствия у людей сочувствия.

Пришлось встать и притворить окно: несмотря на холод и сентябрьскую промозглую сырость, спал Максим с открытой форточкой. И заснуть ему удалось только после того, как кот умолк.

Наутро сестра Таня сообщила, что кот соседский, ворюга и бандит, ворует всё и у всех, и соседка давно пытается избавиться от него: выгоняет на улицу и травит.

– Зачем? – не понял Максим. – Не жалко скотину мучить? Взяла бы и усыпила в ветлечебнице.

– Так за это платить надо, – простодушно пожала плечами сестра, которая тоже не любила котов, чего и не скрывала. – А Чума всем надоед, сосед Вовка Спирин в него стрелял даже, жалко, что не попал.

– Неправильно это, – осуждающе покачал головой Максим: он-то, в отличие от Татьяны, животных любил, а в детстве, когда жил с родителями, дружил с котами и часто заступался перед бабкой Нюрой за Барсика; кот по ночам спал у него в ногах.

По плану, в этот приезд он собирался с друзьями посетить кладбище, где были похоронены все его предки и друг детства Лѣха Шилов, а потом съездить на рынок, купить кое-что для вечерних посиделок.

Он практически каждый год приезжал из Москвы в Жуковку на машине и собирал старую школьную компанию, останавливаясь то у тётки Ксении, то у тётки Вали (родители

разошлись, отец уехал в Сибирь, мать в Белоруссию), а когда двоюродная сестра Татьяна купила в Жуковке частный домик и переехала туда из Брянска, начал квартироваться у неё.

Кота по кличке Чума он увидел возле машины, которую ставил во дворе дома: гаража у Татьяны не было. Здоровенный пушистый рыжий кот сидел у колеса и, когда Максим вышел, уставился на него огромными зелёными глазами. И такая у кота стояла в глазах тоска, такая вселенская скорбь, что у Максима ком встал в горле. Он замер.

Замер и кот, глядя на человека.

Максим присел на корточки.

– Плохо, да, рыжий? Есть хочешь?

Глаза у кота стали ещё больше, зрачки расширились.

– Обижают? – продолжал Максим. – Хочешь, вынесу чего-нибудь?

– Мяк?! – не промяукал – сказал котяра.

Максим улыбнулся.

– Подожди, сейчас вынесу.

– Что-то забыл? – спросила Татьяна, когда он появился на кухне.

– Кота хочу покормить. Есть чего-нибудь, косточки там, молоко?

– Ещё чего, – удивилась дородная, полная, с толстыми ногами и животом, пятидесятилетняя женщина, пережившая двух мужей. – Яду ему, а не косточек.

– Тань, ты куриный суп собралась готовить, отрежь гузку и лапы, и не ругайся, божья тварь таки.

Поворчав, сестра обрезала тушку курицы.

Кот не ушёл, хотя и сидел теперь за углом дома, перед кустами малины, готовый, чуть что, скрыться.

– Вот, принёс я, Чума, – показал курятину Максим. – Хреновую кликуху тебе дали. Буду звать тебя Рыжий, если не возражаешь. Приходи вечером, ещё чего-нибудь вынесу.

Он бросил мясо ближе к забору.

Кот проводил куски взглядом, вопросительно и недоверчиво глянул на человека.

– Ешь, не яд, – засмеялся Максим. – А то я подумаю, что ты не голоден.

Кот не спеша подошёл к мясу, понюхал, ещё раз удивлённо посмотрел на Максима, потом ухватил ближайший кусок зубами и даже не съел – проглотил всю порцию за пару секунд, судорожно обнюхав дёрн вокруг.

Стукнула дверь: вышла сестра.

Кот махнул в кусты, исчез.

– До вечера, – проводил его глазами Максим.

– Чума? – спросила Татьяна.

– Рыжий, – ответил он.

Вечером кот не пришёл. Зато заорал ночью.

Максим достал из холодильника кастрюлю с супом, выловил два куса курятины, вышел на крыльцо.

Дождя не было, но тучи затянули всё небо, дул неприят-

ный холодный ветер, и невольно вспоминалось русское: в такую погоду хозяин собаку из дома не выгонит.

– Рыжий, – позвал Максим.

Раздался шорох. По забору царапнули когти, в отсвете фонаря на улице проявилось жёлтое пятно, фосфорически мигнули глаза.

Максим положил мясо на ступеньку крыльца, поднялся повыше.

– Ешь.

Кот приблизился. Вид у него был пришибленный, с правого бока исчез клочок волос, за ухом виднелся шрам, правую лапу он держал как-то странно, практически не наступая на неё.

– Что у тебя с лапой?

Тон подействовал: вряд ли со зверем кто-либо разговаривал так мягко.

– Мяк, – коротко сказал кот, сделав ещё шаг.

– Подрался с кем? – покачал головой Максим. – Или попал под облаву? Иди, ешь, не бойся, никто тебя не тронет.

Кот преодолел страх, подошёл, хромая, проглотил курятину, облизнулся.

Максим осторожно нагнулся, взял его на руки, обнаружив, что весит он от силы три-четыре килограмма и дрожит мелкой дрожью.

Снова в горле застрял ком.

– Пойдём, помою, лапу и рану за ухом обработаю. Не дро-

жи, я свой, ничего плохого не сделаю.

В ванной он включил тёплую воду, усадил кота на скамеечку и начал мыть.

К его удивлению, кот не дёргался, не пытался убежать или мяукать, только дрожал и щурился, будто понимая, что хочет сделать человек. Напрягся он только тогда, когда в ванную заглянула проснувшаяся Татьяна, всплеснула руками:

– Батюшки-светы! Ты совсем ума лишился, братец!

– Ага, – согласился с ней Максим, удерживая кота. – Дай какое-нибудь ненужное полотенце. Увезу его с собой, раз здесь ему житья нет. Всё равно никому не нужен.

Кот зыркнул на Татьяну огромными глазами.

Сестра перекрестилась и вышла.

– Поедешь со мной в столицу, Рыжий? – посмотрел ему в глаза Максим.

– Мяк, – ответил кот.

Наутро Максим действительно увёз его в Москву.

* * *

В эту московскую компанию Максим попал случайно, поступив после окончания инженерно-физического института в научно-исследовательский центр «Наука, инновации, технологии». Начальник проектной лаборатории № 6, в которую устроился Максим, сорокалетний Олег Фенер, толстяк и балагур, оказался неплохим теннисистом, а когда узнал, что

Максим в институте выступал за сборную команду МИФИ по этому виду спорта, тут же пригласил его поучаствовать в соревнованиях по теннису за лабораторию; спортивная молодёжь центра с удовольствием состязалась в межофисных соревнованиях по теннису, футзалу и волейболу.

Максим согласился и вскоре стал своим в команде, а также сдружился и с компанией Фенера, в которую входили Дима Бушуев, ведущий инженер лаборатории, Сергей Маркин и Илья Краснов, главный её теоретик и программист.

К осени они начали проводить время не только в спортзале НИЦ, располагавшегося на улице Расплетина, недалеко от метро «Октябрьское поле», но и на даче Фенера, а также в совместных походах по лесам Подмосковья, поскольку все были заядлыми грибниками.

Кот при первом же походе Максима, длившемся сутки: утром выехали, к обеду следующего дня вернулись, – проявил себя самым решительным образом. Не дождавшись хозяина к ночи, он начал жалобно мяукать под дверью, а потом устроил такой яростный мям, что соседи едва не вызвали бригаду МЧС, обеспокоенные кошачьим концертом. Пришлось побеседовать с Рыжим, объяснить ему, что живёт он не в деревне, а в городе, и его концерты раздражают людей ничуть не меньше прежних гонителей. Понял ли он увещевания Максим или нет, было неизвестно с неделю, до очередного похода Максима. Рыжий снова устроил «филармонию», и, хотя орал меньше, всё же встретил он хозяина таким уко-

ряющим взглядом, что Максим почувствовал себя негодяем.

После этого он старался побыстрее бежать с работы домой, поменьше быть в спортзале и не задерживаться в гостях надолго. Оставить кота было некому, родители жили слишком далеко от Москвы, а родные сёстры Вика и Лена, хотя и устроились в столице, не слишком любили животных, как и двоюродная Татьяна; и ситуация так расстроила его друзей, что Олег как-то предложил ему:

– А ты бери его с собой.

– Да ладно, – озадачился Максим. – Он же сбежит.

– В машине посидит.

Обычно они приезжали в одну из деревень Подмосковья, недалеко от грибных лесов, оставляли машину у кого-то из местных жителей, договаривались с ним, чтобы он постерёг транспортное средство (ездили на «хонде» Максима либо на «ягуаре» Олега), уходили в лес и возвращались к вечеру. Такой формат походов устраивал всех.

– Он всю машину изгадит за день.

– Сторожу оставим.

– Сбежит.

– Ну, тогда ошейник купи и поводок, будешь по грибы с котом ходить, – Фенер хихикнул.

– Он же не собака.

– Тогда отдавай его в кошачий приют, – рассердился начальник лаборатории. – Если хочешь остаться в компании. Либо станешь домоседом.

Максим подумал, нашёл звероприёмник на улице Бабкина, договорился с сотрудниками, что будет оставлять кота изредка, и на следующий совместный рейд по грибы оставил Рыжего в «гостинице». Вернулся через двое суток, вечером в воскресенье, и дежурный приёмника заявил:

– Забирайте своего бандита! Орал два дня, бросался на сетку вольера, ничего жрать не стал! Больше не возьмём.

Максима повели по ряду вольеров в дальний конец приёмника, и не успел он подойти к кошачьему приюту, как услышал знакомый мяв.

– Вот, слышите? – повернулся к нему сторож. – Житья от него нету! Первый раз такую беспокойную зверюгу вижу.

Кот увидел Максима, перестал орать, потом бросился когтями на сетку и застыл.

Максим покачал головой, сглатывая ком в горле.

– Не стыдно? Орёшь, как пароходная сирена, людей пугаешь.

– Мяк, – хрипло мурлыкнул кот, опускаясь на задние лапы.

– Неужели думал, что я тебя брошу?

– Мяккуах, – ответил Рыжий.

– Не брошу, дурачок. Ума не приложу, что с тобой делать. Не буду же я всё время сидеть дома? А в командировку придётся ехать? А на море отдохнуть?

– Мяк, – облизнулся кот.

– Понимает, однако, – с уважением хмыкнул сторож. –

Только больно он у вас оручий. Кастрированный?

– Нет.

– Кастрируйте, сразу успокоится.

Кастрировать, однако, Рыжего Максим не стал. Вспомнил совет Олега, задумался: «Может, и в самом деле попробовать брать кота с собой?»

Дверца вольера открылась. Рыжий прыгнул на грудь Максиму, и, хотя его острые когти оставили след на руках и шее молодого человека, ему было радостно и приятно от такого проявления любви и привязанности.

Через несколько дней он взял кота с собой, купив поводок и кошачий ошейник в специализированном магазине.

Друзья сначала отнеслись в этому решению скептически, припомнив весёлые истории и мультики советской эпохи про умных котов, но когда Рыжий спокойно отнёсся к походу в лес, а через месяц вообще бегал вокруг грибников без ошейника и находил грибы, шутки прекратились.

Через год Рыжий стал полноценным участником компании.

* * *

Эта осень выдалась идеально комфортной для всех грибников Подмосковья.

С середины августа в средней полосе России установилась тёплая погода – от двадцати двух до двадцати пяти градусов,

ночные дожди шли регулярно, подпитывая лесную почву, и грибов уродилось несметное количество, хоть грузовиками вывози.

Не осталась в стороне от процесса и компания Максима. Идею предложил самый младший из группы, Илья Краснов. В отличие от айти-специалистов, заикленных на компьютерах, дни и ночи просиживающих перед мониторами, он находил время и для тенниса, и для грибной охоты, и не отказывался от турпоходов по экзотическим местам России.

В среду восемнадцатого августа он пригласил Максима в свой рабочий модуль, располагавшийся в здании Центра этажом выше, и вывел на экран фото какого-то пирамидальной формы чёрного камня.

– Смотри.

– Что это? – любопытствовал Максим.

– Чёрный столб, – сказал Илья с гордостью, будто предъявлял приятелю скульптуру из своей коллекции.

– Где ты его нашёл? – хмыкнул Максим, обнаружив, что глыба окружена елово-сосновым лесом.

– Выкопал в Сети и выяснил его историю. Он стоит посреди Комягинского леса, который издавна считается блудным местом.

Максим засмеялся.

– Местные жители туда любовниц водят?

– Нет, имеется в виду, что местность вокруг столба заколдована, люди, увидев его, могут неделями блудить вокруг да

около, пока не выберутся из леса.

– Ведьмина поляна.

– Ну, что-то вроде этого.

– Легенда.

– Правда, подруга моей сестрицы Варвары с приятелями там была и действительно заблудилась, двое суток по болотам шастала.

– У них что, навигатора не было? Или мобил?

– Мобилы были, да только толку с них, что с козла молока, «ГЛОНАСС» им одно показывает – выходят совсем в другое место, а потом и мобилы разрядились.

– Бывает, аномальная зона. И что?

– А давайте туда все вместе махнём? Сестру с собой возьмём, она давно в компанию просится.

– Зачем?

– Можем не брать.

– Зачем туда ехать?

– Во-первых, столб найдём и легенду проверим. Говорят, вблизи него часы останавливаются, компасы врут и мобилы перестают работать, заряженные. Во-вторых, там грибов тьма-тьмушая: белые, грузди, рыжики, подосиновики. Местный народ туда боится ходить, вот они и родят, – по мешку наберём.

– Что ты будешь делать с мешком грибов?

Илья хлопнул пушистыми, длинными, как у девушки, ресницами; в отличие от Максима – сероглазого шатена, – он

был соломенноволосяным блондином и, когда смущался, вспыхивал, как факел.

– Ну, ты даёшь, Макс! Засолим, замаринуем, нажарим, у меня предок умеет так грибы готовить – пальчики оближешь! Так ты против?

Максим внимательно посмотрел на скалу.

– Да нет, почему бы благородному дону и не махнуть к твоему столбу? Где он, говоришь, торчит? Комягинский лес – это где?

– У села Комягино, Пушкинский район Московской губернии, всего в девятнадцати километрах от МКАД, по Ярославке.

– Ладно, уговорил, я согласен, зомбирую остальных. Уговоришь – поедем.

Так компания оказалась в Комягинском лесу, считавшемся одной из аномальных зон Подмосковья, о которой в народе ходило много слухов и легенд.

* * *

Двадцать первого августа в пять часов утра белая «хонда» Максима забрала одного за другим участников экспедиции: Олега Фенера (толстяк взял с собой раскладывающийся спецрюкзак для переноски пищевых продуктов, в который собирался набрать четыре ведра грибов), Диму Бушуева и Илью Краснова. Пришлось также заезжать и за его сестрой,

жившей недалеко от метро «Митино», так как все согласились взять девушку с собой.

Не забыл Максим и кота, уже не представляя себе жизни без Рыжего, ставшего буквально членом семьи. В машине кот вёл себя абсолютно свободно и не стеснялся спать на коленях у Варвары, хотя видел её в первый раз.

Сестра Ильи оказалась хорошенькой блондинкой с платиновыми волосами, яркими зеленоватыми глазами и ямочками на щеках. Одета она была в джинсовый костюмчик, а для грибов взяла одну плетёную корзинку. По словам брата, ей исполнилось двадцать восемь лет (то есть она была старше Максима на три года), и работала девушка в центре сердечной медицины Бакулева, обслуживая ядерный магнитно-резонансный томограф.

Максим пожалел, что он за рулём. Варвара ему понравилась сразу, да и не только ему, но всем приятелям, судя по их оживлению и умным речам. Они могли вести со спутницей беседу, он же не должен был отвлекаться от дороги.

До села, входившего в состав сельского поселения Ивanteeвка, добрались к семи часам утра. Комягино располагалось на левом берегу речки Скалбы и представляло собой всего две улицы: Лесная и Хуторская, с тремя десятками старых хат, доживающих свой век, среди которых встретились и несколько каменных коттеджей за высокими заборами, явно указывающих на достаток их владельцев.

По подсказке Варвары проследовали до последней хаты,

с резными голубыми наличниками, где останавливалась и компания её подруги, договорились с хозяевами оставить машину во дворе, и отряд устремился в лес, ведомый Ильёй и его «гуглокомпасом».

Хозяева, семидесятилетний Николай Петрович и ещё более древняя Акулина Мироновна, попытались отговорить компанию от похода, но Олег, поверивший в легенду о Чёрном столбе и жаждущий приключений (несмотря на возраст и полноту – весил он больше ста десяти килограммов, завлаб был подвижнее спутников), уверенно заявил:

– К вечеру вернёмся и вам грибков выделим, ждите.

– Ну-ну, – только и ответил седенький Николай Петрович.

Надвинули на головы береты и бейсболки, углубились в лес по давно проложенной тропинке.

Суетившиеся возле Варвары Дима и Олег вынуждены были сосредоточиться на маршруте, тем более что лес через полчаса движения начал смыкать ряды деревьев и темнеть. Началась чащоба. А потом вдруг исчезла и тропинка, словно растворилась в воздухе.

Остановились передохнуть, разглядывая заросли вокруг.

Кот в котомке за спиной Максиму мяукнул.

Он подумал, выпустил Рыжего, погрозил ему пальцем.

– Не отходи, заблудишься!

Варвара, с любопытством наблюдая эту сцену, фыркнула:

– Он у вас такой самостоятельный?

– Три года у меня живёт, – пояснил Максим, обрадован-

ный тем, что и на него обратили внимание. – Сначала на поводке водил – дома один не хочет оставаться, а теперь вполне самодостаточен в лесу, и грибы ищет не хуже ежа.

Однако, вопреки его заявлению, Рыжий отходить от группы не стал. Шерсть его встала дыбом, глаза засверкали ярче, спина выгнулась.

– Мяк-амм-мя? – сказал он с вопросительной ноткой, оглянувшись на хозяина.

– Иди рядом, – приказал Максим.

Рыжий послушался.

Сестра Ильи засмеялась.

– Завидую! Мне бы такого кота кто подарил!

– Приезжайте в гости.

– Благодарю за приглашение, как-нибудь заявлюсь с Ильёй.

Максим хотел сказать: «Можно и без Ильи», – но не решился.

– Заметьте время, – сказал идущий впереди Краснов. – Проверим, правду говорят блудившие или нет насчёт отставания часов.

– А долго ещё идти? – спросил Фенер, которому пришлось труднее всех.

– С час.

– Лена говорила, что они прошли километров пять, – добавила Варвара, – пока не подошли к поляне, где и увидели глыбу.

– Чёрный столб?

– Она утверждала, что на столб он непохож, но абсолютно чёрный.

– У каждого своя фантазия. А грибы мы где будем собирать? Далеко до деревни переть придётся.

– Посмотрим на столб, – сказал Илья, – сфоткаемся и вернёмся назад. Николай Петрович говорил, что лиственная полоса с грибами чуть южнее.

– Эх, зря идём, – вдруг сказал смуглолицый, даже зимой выглядевший загорелым, Дима Бушуев. – Не нравится мне эта затея.

– Надо было в деревне остаться, – проворчал Фенер. – Не кисните, идём дальше, раз уж пошли.

Двинулись вслед за Ильёй, поглядывающим то на экранчик своего смартфона, то на часы-навигатор на руке. Шли не быстро. Служба лесников захирела, лесные заросли никто не чистил от упавших деревьев и валежника, и то и дело приходилось обходить упавшие стволы, особенно сосны, превратившиеся в гигантских шипастых многоножек.

– Мы не сбились с пути? – проворчал Олег через час, когда подуставший отряд остановился на очередной отдых.

– Нет, идём точно по «Гуглу», – сказал Илья. – Да и солнце светит слева, как говорила Ленка. Они тоже сначала потеряли тропинку, а потом вышли к столбу.

– Что скажешь, Рыжий? – присел Максим на корточки перед котом.

Кот зашипел.

Грибники засмеялись.

– Ему не нравится наша компания, – сказал Дима.

– Он просто устал, – возразил Фенер. – Возьми его на руки.

– Иди, – протянул руки Максим.

Но кот почему-то фыркнул и попятился, ворочая головой, словно перестал узнавать хозяина.

– Во глазищи! – восхитился Илья. – Как фонари!

Кот заурчал, попятился ещё дальше, потом прыгнул в кусты.

– Ты куда?! – удивился Максим. – Вернись сейчас же, потеряешься!

Кот не отозвался, целеустремлённо направляясь к просвету между деревьями, лавируя между кочками, грудками валежника и деревьями.

Максим бросился за ним, испугавшись, что зверь действительно заблудится. За ним потянулись остальные, обмениваясь шутками.

Погоня длилась несколько минут и закончилась на опушке небольшой поляны.

Рыжая спина кота была хорошо видна в траве, и Максим не потерял его из виду, а когда догнал – зверь остановился на выступающих из земли корнях сосны, – не сразу понял, почему тот не идёт дальше. Раздвинул ветки орешника, собираясь прыгнуть вперёд и схватить кота, и замер.

В центре поляны красовался чёрный, сужающийся кверху камень, напоминающий обелиск. Он был неправильной формы, состоящий из продолговатых выпуклостей, но, приглядевшись, Максим увидел в нём некую ф и г у р у, обладавшую странно ж и в о й притягательной силой. Не очень доброй силой, потому что от обелиска дул ощутимый холодный ветер – при полном безветрии – и, казалось, он смотрит на человека подозрительно и неприветливо.

Максим нагнулся, взял замершего кота на руки, почуяв, что он дрожит.

– Тише, тише, Рыжий, не бойся, я с тобой.

Послышались голоса друзей, компания выбралась к поляне.

– О! – увидел столб Илья. – Вот он! Нашли! Я же говорил – не промахнёмся! Сверим часы, парни, на моих десять ноль две.

Компания оживилась.

Илья полез через высокий бурьян к скале.

За ним поляну преодолели, путаясь в траве, остальные, последним – Максим с Рыжим на руках. Кот поупирался, явно не желая идти к скале, но смирился со своей участью, хотя дышал часто-часто, а у обелиска вообще начал дрожать мелкой дрожью, как в Жуковке, когда Максим впервые прижал его к себе.

– Успокойся, – шепнул ему на ухо молодой человек. – Ничего страшного не происходит, мы нашли камень, сфотогра-

фируемся и уйдём.

Разбрелись вокруг странной скалы, вызывающей не слишком приятные ощущения ж и в о г о, с мобильными телефонами в руках, фотографируя камень и друг друга. Устроили дискуссию: что он собой представляет. Версий было несколько: базальтовый останец, валун времён ледника, метеорит, менгир и сейд. Сошлись на общей идее, высказанной первоначально Ильёй: Чёрный столб – специально установленный здесь века, если не тысячелетия, назад географический знак, отделяющий границу чьих-то владений, либо указывающий путь ходакам и купцам.

Собрались на краю поляны, уставшие почему-то так, будто прошагали по лесу с десятков километров, перекусили, съев по бутерброду с сыром и запив чаем.

Кот вёл себя смирно, но стоило ему оглянуться на столб, его снова начинала колотить дрожь.

– Интересно, что он чувствует? – спросил Дима, заметив, как Максим успокаивает животное.

Максим не ответил. Ему тоже хотелось бы получить ответ на этот вопрос.

– Теперь можно идти и за грибами, – объявил Илья. – Сброшу потом фотки в Сеть, похвастаюсь.

– Куда надо идти? – несмело спросила Варвара, потерявшая былую активность.

Впрочем, остальные чувствовали себя не лучше, испытывая необычное недомогание.

– На восток, – уверенно указал рукой Илья. – По моим расчётам, до края леса всего четыре километра. Сверим часы ещё раз, на моих половина одиннадцатого.

– Десять двадцать восемь, – сказал Дима.

– Десять двадцать семь, – возразил Олег.

На циферблате часов Максима было ровно половина одиннадцатого, и он промолчал.

– А вам не показалось странным?... – начал непривычно задумчивый Дима.

– Что? – оглянулся на него Фенер.

– Нас как будто кто-то тянет назад.

Все замолчали, бросая взгляды на поляну, посреди которой угрюмо высился Чёрный столб.

Максиму тоже показалось, что он чует некое необычное нетерпение и желание вернуться. Но коту поведение людей не понравилось, он задёргался в сумке и хрипло, с надрывом, мяукнул:

– Мяв-р-р-ру-у-у!

– Идёмте отсюда, – первым опомнился Олег, передёрнув плечами. – Не русский тут бог запакован, зря только время потеряли.

Двинулись прочь от поляны, следуя за Ильёй. Но прошагали всего ничего, с полкилометра, и вышли... к поляне с обелиском!

– Оба-на! – сказал брат Варвары озадаченно, глядя на чёрную колонну в просвете ветвей. – Это что ещё за фигня?!

Вышли на край поляны.

Кот в котомке за спиной Максима заворчал, мявкнул вопросительно.

– Николай Петрович предупреждал, – робко проговорила уставшая Варвара. – Все, кто видел столб, потом долго блудили.

– Это я виноват! – храбро заявил Илья. – Отвлёкся, на компас-навигатор не смотрел... – Он умолк, глядя на циферблат навигатора, по которому из стороны в сторону прыгала магнитная стрелка. – Вот блин!

Фенер подошёл к нему, поднял руку с браслетом к глазам.

– Ну и что это означает?

– Сюда шли, всё было нормально. – Илья ткнул пальцем в лес. – Там юг, там север.

– Что изменилось?

– Не знаю.

– Послушайте, пацаны, – сказал Дима Бушуев, – вам не кажется, что форма столба какая-то другая?

Все дружно посмотрели на трёхметровой высоты обелиск.

– У тебя галлюники, – изрёк Илья.

– По-моему, он был толще... – неуверенно сказала Варвара.

Максиму тоже показалось, что скала в центре поляны «похудела», но это мог быть и просто другой ракурс, и возражать он не стал.

– Я поведу, – решил Олег. – По солнцу. Сейчас десять

сорок пять, солнце на западе, значит, север там, а нам сюда. Давайте ещё раз сверим часы.

– На моих десять сорок три, – сказал Дима.

– Десять сорок две, – хмыкнул Фенер.

– Десять сорок, – сообщил Максим.

– А мои стоят, – удивилась Варвара.

Мужчины переглянулись.

– Что у тебя за аппарат? – поинтересовался Олег.

– «Пандора»... швейцарские, – показала часы девушка.

– Кварц?

– Да...

– У меня механика.

– И у меня, – добавил Дима. – Отечественные офицерские.

– Ладно, возьмём на заметку, – бодро сказал Илья. – Подтверждается слух, что в этих местах часы начинают глючить.

– А твой навигатор?

Илья сморщился.

– Не поверите... похоже, он тоже разрядился. Вот гадство!

– Уходим, – помрачнел Фенер. – Не хватало ещё застрять здесь до вечера.

Двинулись обратно, тем же путём, тщательно сверяя направление движения, стараясь идти по солнцу – на юго-восток.

Кот в сумке за спиной притих на какое-то время, потом начал мяукать, да так скорбно, что Максиму пришлось вы-

пустить его на волю.

– На поводок посади, – посоветовал Дима. – Удерёт – не поймает.

Однако Рыжий не стал убегать далеко, лишь сделал крюк, поворчав не то на зверя, не то на птицу в кустах, и вернулся к хозяину. Максим снова взял его на руки, погладил, посадил в сумку, передвинув её на грудь.

– Смотри, куда идём.

Прошагали с километр, останавливаясь каждые полсотни метров, ища глазами солнце за кронами деревьев.

И вышли к поляне с Чёрным столбом!

Кот заорал, но Максим не стал его выпускать. Посмотрел на свой механический хронометр: часы по-прежнему показывали десять сорок, что и полчаса назад. Часы не могли не идти, так как завод у них не кончался, они обладали маятниковым механизмом, подводящим пружину, но они не шли!

– У меня мобильный сдох, – сообщил обескураженный Дима.

– У меня тоже, – буркнул Олег. – Что скажешь, Сусанин? Илья оторвался от созерцания обелиска.

– Вообще-то нас ты вёл...

– Мы шли строго на юго-восток... если верить положению солнца.

– Ну... сбились...

– Что твой «Гугл» показывает? – спросил Дима.

– Ничего не показывает, – смутился Краснов. – Аккумуля-

лятор сел, наверно, как и у мобил.

– Да, мобилы у всех в отключке. Что будем делать, господа хорошие?

– Надо не терять направления, – сказала Варвара.

– Мы его не теряли.

– Ведьмина поляна просто так не выпустит, – сказал Дима. – Я читал, люди вообще пропадали...

– В болотах топли, – отмахнулся Илья. – А здесь лес более-менее чистый, болот мало. Я в колдовские штучки не верю.

– Но аномальщина налицо.

– Выберемся, этот лес насквозь за два часа пройти можно.

Предлагаю идти галсами: прикинули направление, прошли десять метров, посоветовались, дальше пошли, чтобы точная прямая получилась, а не петля, и выйдем.

Фенер подудел себе под нос, размышляя, вытер пот с лица (становилось жарко по мере того, как солнце поднималось выше), оглядел команду.

– Давайте помолимся лешему, чтобы выпустил, лично у меня к нему претензий нет.

Варвара фыркнула.

– Лешие в сказках остались.

– Кто знает, кто знает... сказка ложь, да в ней намёк, добрым молодцам урок. А мы, между прочим, уже дважды круголя дали. Пошли, будем идти так, чтобы столб всё время сзади оставался, каждые десять метров корректируем курс.

Тронулись в путь.

Кот снова притих. Максим собрался было выпустить животное, но передумал. Аномальная зона действовала на кота сильнее, чем на людей, и он мог просто разнервничаться и сбежать.

Прошли с полкилометра, проверяя траекторию движения после коротких остановок, убедились, что идут прямо, снова двинулись прочь от заколдованной поляны. Повеселели, так как по всем признакам поляна осталась позади, взгляд в спину снизил давление, ощущение неприятного сопровождения исчезло.

Лес изменился, чаще стали попадаться лиственные породы – берёза, дуб, клён, ольха.

Вышли на тропинку.

– Ура! – вскинул вверх кулаки Илья. – Главное – верить в себя, а не в магию, и всё будет тип-топ!

– Куда теперь? – спросила облегчённо вздохнувшая Варвара, снимая бейсболку. – Направо, налево?

– Направо, – сказал Дима.

– Налево, – возразил Илья. – Направо – это практически назад, к поляне, я точно знаю.

– Вечно тебя тянет налево, – усмехнулся взопревший Ферер. – Ладно, не красней, я пошутил, идём налево. Уже обед скоро, а мы ещё грибов не видали.

– Я лисички видел.

– Я тоже, но здесь лучше не брать.

Попили водички, заторопились, набирая ход.

Тропинка почти не петляла, полужаросшая, старая, изредка почти исчезающая в траве. Впечатление было такое, будто по ней не ходили несколько лет. Но поскольку любая тропинка должна заканчиваться там, где живут люди, грибники не задумывались, куда она приведёт. Вокруг было много сёл и городков, и к одному из них они надеялись скоро выйти.

Шли, однако, долго: больше получаса. И когда у Фенера лопнуло терпение, и он был готов объявить привал, впереди меж стволами сосен и берёз замелькали какие-то жёлто-коричневые пятна, длинные жерди, крыши, и отряд вышел на околицу деревни.

Илья, почти бежавший впереди всех, замедлил шаг, остановился, озадаченно разглядывая то, что находилось на открывшемся пространстве. К нему присоединились остальные.

– Мать честная! – сказал Илья.

Это была деревня. Но очень необычного вида деревня, словно сошедшая с полотен художников, пишущих фантастические гиперборейские поселения многотысячелетней давности, какими их представляли историки Древней Руси.

Тропинка вливалась в хорошо утопанную ровную дорогу, кольцом охватывающую с три десятка строений, также образующих кольцо вокруг круглой площади, посреди которой высилась колонна высотой метров в пятнадцать, похожая на гигантский штык. Сделана эта колонна была из дере-

вянных брусьев и жердей.

Дома деревни тоже были выстроены из дерева: срубы – из ошкуренных и отполированных до блеска брёвен не меньше полуметра в диаметре, двух- и трёхвенцовые островерхие крыши покрыты досками, искусно перекрывающими друг дружку, и заканчивались они по углам фигурами зверей и птиц.

Крыши то ли были покрашены, то ли потемнели от старости и непогоды до бурого цвета, а вот брёвна домов буквально светились янтарём, словно были уложены и отлакированы недавно.

Окон в стенах строений насчитывалось множество, и все они были охвачены резными наличниками немыслимой красоты. Узорчатые двери, балясины крылец также выглядели новыми, но, в отличие от стен, явно были покрашены, и весь этот ансамбль строений напоминал некий музей под открытым небом, ждущий посетителей, а не жилое городище.

Судя по тишине, царившей в деревне, она была пуста.

Впрочем, это впечатление оказалось ложным. Сначала Варвара заметила движение на площади деревни, затем Максим и все остальные: где-то хлопнула дверь, заржала лошадь, кто-то засмеялся вдали, слышались голоса, за деревней проскакал всадник на коне, а потом из ближайшего храма – избой эту постройку назвать не поворачивался язык – вышла женщина в цветастом сарафане, цветастом же платке, и зашагала по кольцевой дороге, перекинув через плечо белый

свёрток. В другой руке, не занятой свёртком, она держала плетённый короб.

Грибники, затаив дыхание, следили за ней, не веря, что это с ними происходит наяву.

Кот в сумке зашипел.

– Тише! – едва слышно прошептал Максим, просунув руку в окошки сумки и погладив зверя по вздыбленной шерсти.

Женщина заметила отряд, приостановилась, но не испугалась, повернула к грибникам. Подошла на расстояние в десяток шагов, остановилась, внимательно разглядывая компанию. Стало видно, что это старуха лет восьмидесяти, с морщинистым тёмным лицом и маленькими голубоватыми глазками, в которых светились ум и энергия.

– Здравсьте, бабушка, – пробормотал Олег.

За ним недружно поздоровались с жительницей деревни спутники толстяка.

– Мы немного плутанули, хотим к деревне Комягино выйти, не подскажете, в какую сторону идти?

– Какошч сторон? – переспросила старуха глуховатым голосом.

Мужчины переглянулись.

– Это что за деревня? – спросил Олег. – Или здесь построили павильон для съёмок?

– Съёмоч? – повторила старуха с ноткой недоумения. – Какошч съёмоч? Хэта поселица Хлумань.

– Что? – удивился Олег. – Хлумань? А где Ивантеевка?

Деревня Комягино? Сергеевка?

– Серхиевк? Комяхи? – в свою очередь удивилась старуха. – Нетто нико тут, поселица Хлумань живе. Версты осьмица к нору отседа Микоростень-град.

– Мико... – Олег посмотрел на Илью, на Диму, сглотнул. – Вы что-нибудь понимаете?

– А-и-а, вы же от ешче мир живе, – с облегчением проговорила старуха, улыбнулась, помолодев сразу лет на сорок. – Блудно ишта за лес.

– Что?!

– Инну, вы ушли лес завлечь – от соседни живче.

– Не понимаю...

– Кажется, я понял! – ожил Илья. – Хотите верьте, хотите нет, но мы попали в параллельное измерение...

– Да ладно тебе фантазировать, – ухмыльнулся Дима, – смотри, как она лыбится. Небось – артистка. Здесь точно фильм исторический снимают.

Из-за ближайшего «храма» слышались голоса, на дорогу вышли двое мужчин, одетые в старинные кафтаны со множеством накладок, нашивок и навесок, – старый, седой, и молодой, с белым чубом, свешивающимся на лоб. Увидев на опушке леса компанию Фенера и старуху, оба замолчали.

Старуха оглянулась, позвала:

– Филько, йды туто.

Седой, примерно такого же возраста, что и старуха, подошёл, разглядывая ясными глазами замерших грибников.

Особого удивления на его лице не было, как не было беспокойства или страха.

– Блудно ишта их замрею, – сказала старуха. – Треть ходы за последни летось.

– Чёрны вага? – задал вопрос старик, продолжая разглядывать грибников.

– Что? – не понял Олег.

– Увыи идха ото чёрны вага?

– От Чёрного столба, – подтвердил Илья, уловив смысл вопроса.

– Стовп, калин морок, – кивнула старуха.

– Кто вы?! – дрогнувшим голосом спросила Варвара.

Жители деревни посмотрели на неё, как показалось Максиму, с одинаковой жалостью.

– Умыи живаго те Хлумань, – кивнул на деревню старик. – Билорца охоронство. Основград Микоростень. Дале будо Новуград и Свейск-жито. А увый отоки?

– Из Москвы, – выдавил Илья.

Старик и старуха переглянулись.

– Воремя теки навбоки, – сказала старуха. – Оден соседни живче, застряно – остань повернато николаы.

– Давень шлёндрае-то? – спросил старик.

– А? – вытянул шею Илья.

– Он спрашивает, давно мы ходим? – сообразил Максим.

– Давно, часа два... вы нас понимаете?

Жители Хлумани снова обменялись взглядами.

– Увыи не прима выхоче з распадку Чёрны вага, – сказал старик. – Мены триждень выходче до увьи.

– Ешче есь воремя нал, – добавила старуха. – Пусь Малята отведе до распадку на грань.

Старик оглянулся.

– Малята.

Подошёл парень – косая сажень в плечах, пушок на свежих щеках, в глазах смущение и любопытство.

– Здравы бие.

– Отведе хлопы до распадку.

– Подождите! – опомнился Олег. – Вы серьёзно?! Этот ваш Хлумань – в другом... в другом...

– Измерении? – договорил Илья.

– Соседни живче, – закивали старик и старуха. – Увыи шибко наскоро надоть обкруче ко Чёрны вага, а то не верни никола домотри.

– Но...

– Иде!

Кот в сумке мяукнул.

Все повернули головы к Максиму.

– Рыжий, – выговорил он виновато. – Кот.

– Миелов? – удивился старик.

Максим показал сумку с окошком.

Старик подошёл, нагнулся к окошку. Кот уставился на него огромными глазищами.

– Сонечко дитё, – с неожиданным уважением сказал ста-

рик. – Помошче?

Кот мяукнул.

Старик разогнулся.

– Шибко идее, щелка зараста, не выди.

– Чёрт, надо сфоткаться! – заволновался Илья. – Никто же не поверит! Вы понимаете, с кем мы разговариваем?! Эта их Хлумань и в самом деле стоит в параллельном мире! Чёрный столб нас сюда перенаправил!

– Мобильные не работают, – напомнила Варвара.

– Ах ты ж, ёлки зелёные!

– Иде, иде, – поторопил их старик.

– Спасибо вам! – поклонился Олег. – Рады были познакомиться. Может, ещё свидимся?

Спутник старика по имени Малята зашагал в лес.

* * *

Пока шли, Илья попытался разговорить проводника, запасти побольше информации о таинственной стране, которую старик назвал «Билорца». Однако молодой абориген отвечал неохотно, коротко и не всегда понятно, хотя его язык напоминал белорусский, поэтому узнать удалось немного, вдобавок к тому, что уже было известно.

Селение Хлумань окружали леса «на многи чисы вёрст», как выразился Малята. Недалеко от него, в дне пути, располагался городок Микоростень; передвигались местные жите-

ли «обоконь» – на лошадях. Ещё дальше – столица края Новуград. Появление группы москвичей возле Хлумани оказалось не первым, сюда уже трижды выходили «пешцыи» путешественники, заблудившиеся в Комягинском лесу после встречи с Чёрным столбом, и один из них не успел вернуться, так и загинул в лесу, по эту сторону границы миров. На вопрос Олега: «Что значит, он не успел вернуться?» – Малята ответил простодушно:

– След остыл.

Перевод не потребовался, сказано было абсолютно по-русски.

Но до столба (Малята называл его Чёрны вага) проводник группу не довёл, остановился в лесу, на берегу какого-то ручья.

– Дале вытойте одне.

– Почему? – не понял Илья.

– Невать умие, – пожал плечами парень, – перейдо граник, опто сгину.

– Нельзя ему, – тихо перевела Варвара, уставшая больше других. – Пересечёт границу – не вернётся обратно.

– Интересно, что он знает о нашем мире? – проговорил Дима.

– Они не сильно удивились, когда нас увидели, – проворчал Олег. – Значит, понимают, что мы соседи. Знают, где стоит граничный камень, отделяющий нашу реальность от их мира.

– Дружище, этот камень – портал, да? – жадно спросил Дима.

Малята отступил.

– Бечь шибко! Щелка зараста!

– Вообще у вас какой год? – поинтересовался Илья.

– Некогда рассусоливать, – сказал Олег. – Бежать надо, пока след не остыл. Нам точно туда? – Он кивнул на чащобу за ручьём.

– Сонечко дитё покаже, – кивнул на сумку с котом проводник. – За им бягне.

– За котом?!

Малята молча повернулся и исчез, только прошелестело.

Все повернулись к Максиму, ошеломлённому словами парня.

– Макс, ты поводок взял? – осведомился Илья.

Максим виновато покачал головой.

– Не подумал...

– А если он удерёт?

– У нас нет выбора, – сказал Олег. – Кот побежит – и мы за ним, со всех ног. Выпускай зверя, Макс, объясни ему ситуацию.

Максим открыл котомку, взял кота на руки, заглянул ему в глаза.

– Спасай, Рыжий! Нам домой надо, домой! Понял? Веди нас к тому чёрному камню, что мы видели. Понял? К Чёрному столбу!

Кот мяукнул.

Максим опустил кота на землю, шагнул вперёд.

– Нам туда, понял?

Кот вытянул вперёд морду, лоя дрожащими ноздрями запахи, и устремился мимо зарослей колючего кустарника, напоминающего акацию, в просвет между деревьями.

Максим последовал за ним. Остальные заторопились следом.

Шли таким манером всего минут двадцать, не больше.

Кот бежал вперёд уверенно, обходя лишь огромные ели, заросли кустарника и высокой, чуть ли не в рост человека, травы. К удивлению компании, на пути не встретилось ни одного упавшего дерева, ни одной кучи валежника, хотя в Комягинском лесу этого добра хватало.

Наконец впереди высветилась прогалина в чащобе. И, ещё не выйдя на поляну, Максим интуитивно ощутил, что кот привёл их к Чёрному столбу.

Выбрались на край поляны, потные и разгорячённые, глядя на высившуюся в центре скалу.

– Что б ты... – начал в сердцах Дима.

– Заткнись! – одёрнул его Фенер. – Нельзя его сердить! Он не виноват. Наоборот, милости просить надо, чтобы выпустил домой.

– Что теперь? – выдохнула Варвара.

– Не знаю, – поскрёб затылок Илья. – Надо было у Маляты спросить.

– Давайте подойдём ближе, мысленно объясним ему... – начал Максим.

– Кому?

– Ну, по сути, это сторож границы...

– Пошли, – скомандовал Олег.

Максим взял заурчавшего кота на руки, поцеловал в холодный нос.

– Спасибо, Рыжий! Всю сметану дома отдам!

Пересекли поляну, путаясь в густой траве, не сохранившей ни одного следа их недавнего пребывания у скалы. Постояли в молчании у чёрного, с искрой, монолита.

– Ну, и что дальше? – поглядел на Максима Илья. – Пускай кота.

Максим выпустил, но кот зашипел и полез по его ноге вверх, цепляясь за штанину острыми когтями. Пришлось снова взять его на руки.

– Не хочет? – удивился Дима.

– Он свою миссию выполнил, – сказал Олег задумчиво. – Ну-ка, парни, давайте ориентироваться по нашим приметам. Солнце пошло к закату, значит – там запад, в обратке – восток, нам примерно туда. Комягино в той стороне. Я правильно рассуждаю?

– Вроде бы так, – согласился Илья.

– Потопали.

Двинулись прочь от скалы, стараясь идти по прямой, и уже через несколько минут почувствовали облегчение. На-

пращение, владевшее всеми, стало спадать, будто с душ путешественников упал огромный валун. Дима Бушуев даже засвистел, пока Олег не посоветовал ему «заткнуть фонтан».

Ещё через полчаса вышли на знакомую тропинку, словно вынырнувшую ниоткуда.

– Уф! – с облегчением сказала Варвара, вдруг обнаружив, что забыла свою корзину у Чёрного столба.

– Можем вернуться, – предложил Максим.

– Ой, только не туда! – изменилась в лице девушка.

– Ну, теперь по грибы? – спросил Илья.

На него посмотрели, как на сумасшедшего.

– Домой хочу, – жалобно сказала Варвара.

– А я бы сюда ещё разок наведался.

– Псих! – сказал Дима. – А если бы мы там остались, в этой твоей тьмутараканской параллельной реальности?

– Ну и что? Представляете, сколько нового узнали бы? Вообще на Земле много таких мест, где существуют проходы между измерениями, нам повезло, что мы наткнулись на один.

– Да уж, повезло.

– Идём в Комягино, – решил Олег.

– А что мы скажем, вернувшись без грибов?

– Что мы вообще скажем, где были, – проворчал Олег, посмотрев на кота на руках Олега. – Вот кому памятник ставить надо! Он нас вывел! Я для него тоже сметаны не пожалею.

Кот полез по груди Максима, ткнулся носом ему в шею и

сказал: «Мя».

Июль 2016

Максим Замшев

Замшев Максим Адольфович – писатель, журналист. Родился в 1972 году в Москве. Окончил музыкальное училище имени Гнесиных и Литературный институт им. А. М. Горького. С 2004 г. – главный редактор журнала «Российский колокол». С 2017 г. – член Наблюдательного совета литературной премии «Лицей» для молодых писателей и поэтов. Председатель Правления МГО СПР. С 2015 года работает в «Литературной газете». С августа 2017 г. – главный редактор «Литературной газеты».

Автор десяти поэтических книг и четырех книг прозы. Имеет более 1000 публикаций в разных жанрах в России и за рубежом. Поэтические книги Максима Замшева увидели свет в Болгарии, Сербии, Македонии, Азербайджане, Румынии, Греции.

Лауреат международной премии «Никола Вапцаров», лауреат премии им. Дмитрия Кедрина, Премии Центрального федерального округа в области литературы и искусства. Награждён медалью ордена «За заслуги перед Отечеством II степени». Заслуженный работник культуры Чеченской республики. С декабря 2018 г. – член Совета по правам человека при Президенте РФ.

Концертмейстер

Главы из романа

1985

Олег Александрович Храповицкий нашёл наконец удобное положение на больничной койке и теперь сконцентрировался на том, чтобы дышать ровно и глубоко. Из медленного ещё сознания доносилось: «Если начну ворочаться, жгучая боль в центре груди вернётся и задушит. Из ватного тумана всплывали неповоротливые мысли: наверное, Арсению уже сообщили? И если это так, он наверняка уже в Москве».

Чудесный, заботливый сын! Что бы он делал все эти годы, если бы Арсений не перебрался с ним в Питер! Арсений многим пожертвовал ради него. А что совершил он? Чем отплатил? Достаточно ли этого?

Да уж. Такие размышления не для третьего дня после инфаркта. Последнее, что он помнил из той жизни, которую болезнь, очевидно, теперь разделит надвое, это по-зимнему приземистый вид на Москву с небольшого холма, на котором располагалось несколько архитектурно-игривое здание ЦК партии. Он оглядывал крыши, стены, перспективы, видел начало улицы Степана Разина. Там, чуть дальше, район, где снимал комнату в юности. До женитьбы.

Думал: надо как-то успокоиться, привести в порядок мысли, разработать хоть какой-то план. Но не пришлось. Что-то неподъёмное возникло в груди и потащило с неодолимой силой в надвигающуюся гулкую темноту.

Принимал его на Старой площади чиновник из сектора культуры ЦК по фамилии Чижигов. Важный, полный, почти без шеи, с крылатым подбородком, с безвольными, как будто с трудом удерживающимися на лице губами. Разговор получился с недомолвками, не конкретный, но к чему-то неуловимо обязывающий Олега Александровича, при этом каждое слово Чижигова было липким, как растаявшая карамелька. Чижигов сперва долго разглагольствовал о значимости апрельского пленума ЦК партии, о том, что советская культура должна чутко ответить на новые вызовы и что литературная наука не может остаться в стороне от всего этого. Олег Храповицкий изображал, что внимательно слушает. Он давно уже не доверял энтузиазму верхов по поводу обновления общества. Ему хватило восторгов от хрущёвской «оттепели», которая кончилась не пойми чем. Как объяснить этому человеку, что литературная наука не откликается на вызовы, она изучает то, что уже есть и непреложно. И никак иначе. Неужели в ЦК собрались такие дилетанты? Подобные спонтанно возникающие вопросы он уже много лет давил в себе, считая бессмысленными, а какой-либо протест против системы ненужным и опасным. Впрочем, большой пользы он не видел и в прилежном встраивании в предлагаемые вла-

стью координаты. Однажды он, искренне поверив, что Сахаров и Солженицын – враги, с энтузиазмом поддержал официальную точку зрения. И чем это кончилось? Если не в состоянии контролировать последствия своих действий, лучше вообще никуда не лезть.

«Не для этого же он меня вызывал? Не для того, чтобы в верности линии партии убеждать? Тут кроется что-то ещё», – опасался Олег Александрович. Когда монолог Чижикова достиг кульминации, Храповицкий удивился: голос номенклатурщика вдруг зазвучал неестественно, будто из капсулы. Но это ощущение быстро прошло, и он не придал этому значения. Только ослабил начавший сдавливать шею галстук.

Наконец Чижиков перешёл к самому главному. По мнению ЦК, директор ИРЛИ Андрей Иезуитов трактует советское литературоведение слишком догматично. Уже поступило достаточно много сигналов от сотрудников, вскрывающих случаи подавления Иезуитовым прогрессивных тенденций. Похоже, товарищ директор попросту не желает перестраиваться.

Олегу Храповицкому потребовалось время, чтобы осознать услышанное. Что за бред! Иезуитов – кабинетный учёный, интеллигент. Что он там может давить? И какие ещё сигналы? Кому это нужно? Но ЦК партии – слишком серьёзное место для сомнений частного лица.

– Что вы об этом думаете? – Чижиков неожиданно при-

дал своему тону благорасположение, словно не призывал к ответу, а советовался.

Храповицкий разнервничался. Что он об этом думает? Ничего не думает. О чём думать? Какие-то чудеса! Сигналы. Что от него-то надо?

Видя замешательство собеседника, Чижигов продолжил:
– В скором времени в одной из ленинградских газет может появиться письмо сотрудников института о необходимости, скажем так, «свежего ветра» в руководстве ИРЛИ.

При слове «письмо» Олег Александрович похолодел. Призрак ужасного 1973 года вылез из-за спины Чижигова, поднялся к потолку и оттуда, мерзко кривляясь, делал учёному пугающие знаки. Он с трудом выдавил из себя:

– Всё, что вы говорите, для меня, честно говоря, в новинку. Мне надо всё это проанализировать.

– Что ж вы, заместитель директора, а не видите того, что происходит у вас под носом? Поздно уже анализировать. Надо действовать.

– Я больше занимаюсь научной частью. На политику времени не хватает, – он знал, что это была заведомая глупость, но больше ничего в голову не шло. Не молчать же!

– Плохо, очень плохо. Без политики у нас никуда. Политическая близорукость при вашей должности не позволительна. Не забывайте об этом. – Чижигов что-то быстро записал красивой импортной ручкой на листе, который лежал перед ним. – Ну что же. Раз, как вы сами говорите, вам нужно вре-

мя, чтобы всё проанализировать, — мы вам это время дадим. Но учтите: его не так много. Вот вам мой прямой телефон. Звоните в любое время, если возникнут соображения.

Чижигов дал понять, что разговор окончен.

Некоторое время после того, как вышел из кабинета Чижигова, Храповицкий совершал все действия автоматически, не вдумываясь. Спустился в бесшумнодвигающемся лифте, надел тяжёлую куртку, замотал горло мохеровым шарфом, пристроил на голове почему-то показавшуюся тесноватой шапку-ушанку, проверил, с ним ли его очки для чтения.

«Мне надо всё это проанализировать». Какая глупость! Чего уж тут анализировать! Всё ясно до кристальной жути. В ЦК решили убрать Иезуитова и ищут для этого руки. Этими руками будет предложено стать ему. Андрей Николаевич! Добрейший, тонкий человек. Только два года, как назначен директором. До этого являлся замом. Именно на его место и пришёл Храповицкий. Иезуитов явно симпатизировал ему, ценил как исследователя.

Что делать? Куда себя деть? Его обратный поезд только вечером. Надо было выгулять, выходить, вытоптать из себя вялость, нерешительность и страх. Как, интересно, теперь выглядит дом, где он снимал квартиру в аспирантские годы?

Вспомнилось, как он в день похорон Сталина торопился в ИМЛИ, наивно полагая, что ему разрешат там поработать, и увидел на другой стороне улицы Светлану, насмешливо раз-

глядывавшую его.

Но инфаркт не дал ему вспомнить всё до конца. Подхватил и увёл в темноту.

Когда он очнулся, то почему-то решил, что всё ещё в кабинете Чижикова. Только спустя минуту память всё вернула.

Кто-то подёргал его за руку. Он открыл глаза. Над ним нависла медсестра. Щёки её пылали румянцем. Запах мороза смешивался с запахом табака.

– Олег Александрович! Вас переводят из реанимации в обычную палату. Как вы себя чувствуете? Надо перелечь на каталочку.

На вид ей было лет тридцать. Из-под шапочки выбивалась рыжая прядь.

– Давайте я вам помогу.

На каталку он переместился без всяких проблем, а вот когда везли по кафельному полу, сердце от частой тряски забило тревогу.

В палате ему что-то вкололи. Это принесло облегчение, и он задремал под неспешные разговоры других выздоравливающих мужчин.

1948–1949

Таня держала любимого под локоть. Шуринька от этого преисполнялся уверенностью, что всё будет, как надо. Ему непременно удастся уберечь от неприятностей эту бесцен-

ную для него девушку, что бы ни случилось с ним самим, на какие бы острые колья его судьба ни бросила. Их близость, по большей части осторожная, нежная, но при этом до дрожи взаимная, наполняла их существование столь упоительным смыслом, что бытовые тяготы отходили на второй план.

Лапшин так изнурил себя ожиданием ареста, что уже его не боялся. Более того, начал предполагать, что его уничтожение – не первейшая цель органов. Никто не подвергает сомнению их полную власть над всеми людьми в СССР. Никто не в силах противиться им. Но раз они дали ему передышку, не лишили жизни, надо этим пользоваться.

Перестать бояться и сочинять музыку.

Этого они не в силах ему запретить.

Шнеерович нёс в тёмной авоське несколько бутылок шампанского и чудом где-то добытые в предпраздничной магазинной суете шоколадные конфеты в красной коробке.

Москва новогодне принарядилась окнами. Прихотливые гирлянды с лампочками, поплёскивавшие за заиндедевшими стёклами, не давали ночи воцариться в городе с обычной вальяжностью.

В знакомом переулке было как никогдалюдно.

Некоторые спешили, другие, наоборот, шли, не торопясь, уже под хмельком, похохатывали, оживлённо что-то обсуждая.

Небо не потемнело до конца и нависало над городом плотным серым одеялом. В некоторых местах по небосводу

неспешно ползли чуть отличающиеся от него по цвету клубы дыма из теплоцентралей.

С нарастающим шумом мимо Лапшина, Татьяны и Шнееровича пронеслись две «Победы».

Из одного окна в доме дореволюционной постройки вылетали разудалые звуки баяна.

Войдя в подъезд, Таня и Шуринька долго отряхивали снег с сапог. Шнеерович наблюдал за этим не без любопытства, однако сам примеру друзей не последовал.

Большая квартира в преддверии Нового года избавлялась от своей коммунальности, превратившись в площадку для общего веселья. Конечно, единого стола не было, все накрывали в своих комнатах, но периодически заглядывали к соседям с просьбами: кому-то надо дать открывалку, кому-то одолжить немного соли, кому-то требовалась ещё табуретка, кто-то просил стаканы, если есть лишние.

Прежде чем дойти до цели, Шнеерович, Лапшин и Татьяна миновали людской затор в коридоре, где гости разных хозяев и хозяек смешались в возбуждённой суете восклицаний, объятий, поцелуев, шептаний на ухо и подсовываний друг другу каких-то свёртков и коробочек.

Когда Татьяна отворила дверь в комнату Людмилы и все увидели, что она пришла не одна, а с Шуринькой, раздались радостные восклицания и крики «Браво!». Лапшина приветствовали как героя, вернувшегося с победой, а не как несчастного язвенника, лишившегося двух третей желудка.

Людочка подскочила к нему первой, крепко обняла, прикоснулась к его волосам, словно проверяя, на месте ли они, потом чуть ущипнула его за щёку:

– С наступающим! Как я рада, что Татьяна тебя всё-таки вытащила. Ты неплохо выглядишь. Почему не приходил раньше? Мы о тебе всё время вспоминали, тревожились за тебя. – Люда говорила так быстро, как говорят те, кто боится, что их о чём-то спросят. За ней маячил незнакомый Лапшину мужчина, большеглазый усач лет тридцати пяти, с прилизанными волосами, в явно заграничном пиджаке.

– Познакомься, это Франсуа. Мой... – Люда сделала намеренно игривую паузу. – Друг... он работает во французском посольстве.

Друг протянул руку, не пожал, а скорее подержался за кисть Лапшина и улыбнулся с безукоризненной иноземной искренностью, холоднее которой только безжалостная улыбка слепого сочувствия на устах палача после только что свершившейся казни.

Потом все участники гудковских сборищ, которых он не видел с мая, по очереди подходили к нему, приобнимали, трогали осторожно, будто он экспонат. Вера Прозорова поцеловала его в щёку чересчур долго и с не вполне дружеской чувственностью.

Шуринька краем глаза взглянул на Татьяну, понял, что та всё заметила, но виду не подаёт. Он нашёл её чуть потухший взгляд и подмигнул ей. Она в ответ чуть торопливо и покор-

но опустила веки: мол, всё вижу и смеюсь над этим вместе с тобой.

Как только время подобралось к полуночи, а из радиоточки строго и торжественно пробили кремлёвские куранты, все громко закричали: «Ура! С Новым годом!» — и начали чокаться. Под чоканье слышно было, как из соседних комнат тоже кричали что-то праздничное, и один очень чёткий голос, с командными интонациями, взвился выше и по тону резче остальных, как фагот над пиццикато струнных: «За Родину, за товарища Сталина!»

Сенин-Волгин, услышав это, скривился, а потом pokrutil пальцем у виска. Шнеерович беззвучно прыснул в ответ на эту пантомиму, все остальные, кроме Татьяны, скромно заулыбались в кулачки. Лапшин расстроился. Тут ничего не изменилось. Беспечные фрондёры сами себя всё ближе подводят к гибельному краю. Интересно, сколько встреч у осведомителя произошло с куратором после того вечера на Собачьей площадке?

Света Норштейн появилась минут через десять после того, как начался 1949 год. Передала всем привет от родителей и каждому вручила по большой коробке конфет в золотистой упаковке. Таких конфет Лапшин никогда не видывал. Подумал: где такие конфеты достают?

Лапшин подметил, что за эти полгода Света похорошела, налилась женственностью, подростковая угловатость ушла совсем.

В эту ночь компания очень быстро напилась. Все шумели, смеялись, шутили, что-то доказывали или кому-то, или самим себе, без конца перебивали друг друга. Шнеерович сподобился на то, чтобы петь довоенные романсы, и сам себе аккомпанировал, отстукивая что-то пальцами по столу. В один момент Сенин-Волгин поднялся со стула во весь свой немаленький рост, подождал чего-то, нервно теребя воротник белой сорочки, пьяно и недоверчиво осмотрел всех, схватил, а потом со стуком опять поставил на стол наполненный до краёв водкой стакан и сказал:

– Я сейчас буду читать свои стихи. Если кто-то вздумает мне мешать, пеняйте на себя. Сегодня сочинил.

Затем он возвёл глаза почти к самому потолку, нашёл видимую ему одну точку, зафиксировал на ней взгляд, чуть прищурился и начал декламировать отчётливо, с выражением, почти переходя на пение:

Как-то ночью, в час террора,
я читал впервые Мора,
Чтоб Утопии незнание
мне не ставили в укор,
В скучном, длинном описании
я искал упоминания
Об арестах за блуждания
в той стране, не знавшей ссор, —
Потому что для блуждания
никаких не надо ссор.

Но глубок ли Томас Мор?

Лапшина потрясли эти строки. Сенин-Волгин открылся ему с незнакомой стороны. Наверное, не шибко приятное для Лапшина своеобразие Сенина-Волгина, его необдуманное и не очень умное резонёрство мешали разглядеть в нём настоящую личность. И вот она явилась в чудесных стихах. Стихотворение было длинным, крутящимся вокруг одного и того же, а потому завораживающим. После первого куплета в голову сама собой полезла мелодия – то ли песня, то ли романс, то ли а-капельный хор. Ему даже захотелось встать и подпеть Сенину-Волгину, но он себя одёрнул. А потом его остро кольнуло жалобное, бесповоротное что-то. Он почти вздрогнул от мысли, как все они беззащитны перед этим временем, в котором живут те, кто доносит, и те, кто на основании этих доносов калечит людям жизни, а то и просто жизнь у них отнимает.

Осведомительница сидела перед ним. В её глазах насмешливое, дразнящее: он, Александр Лапшин, никогда её не выдаст, потому что знает, что с ним за это будет.

Может, прямо сейчас встать и всем всё выложить?

Нет. Он не герой. Он способен только терпеть.

Когда Сенин-Волгин закончил чтение, все разразились аплодисментами. Все, кроме Лапшина. Он схватил бутылку водки, плеснул себе больше половины стакана и залпом выпил. Оставалось только напиться. Если желудок, вернее то,

что от него осталось, не выдержит, так и чёрт с ним.

Татьяна никак не препятствовала тому, что её жених хлестал водку, как человек, потерявший рассудок. Видимо, чутьё подсказало, что ему сейчас это необходимо. Врач в больнице, после того как Шуриньку выписали, напутствовал её:

– Последите, чтобы Александр Лазаревич не пил вина, коньяка или пива. Водку можно. Иногда даже и нужно. Жизнь сейчас такая.

В один момент Лапшин подошёл к Сенину-Волгину, приземлившемуся в кресло чуть поодаль от стола, вытянувшему ноги и наблюдающему за всеми с еле заметной лукавой улыбкой превосходства, и попросил его дать ему на время прочитанное стихотворение. Сенин-Волгин вынул из кармана сложенный листок бумаги, протянул Шуриньке. Листок был вырван из разлинованной школьной тетрадки. Отдав стихи, поэт неожиданно смутился:

– Только, если не трудно, перепиши. И отдай. Можно не сегодня.

И опять внутри у Лапшина что-то дёрнулось. Лишь бы с ним ничего не случилось.

Пробежал по строчкам глазами:

Я вникал в уклад народа, в чьей стране мерзка свобода...
Вдруг как будто постучали... Кто так поздно? Что за вздор!

И в сомненьи, и в печали я шептал: «То друг едва ли,
Всех друзей давно услали... Хорошо бы просто вор!»

И, в восторге от надежды, я сказал: «Войдите, вор!»
Кто-то каркнул: «Nevermore!»

Пожалуй, если он будет где ни попадя декламировать такие стихи, неприятности себе наживёт обязательно. Странно, что до сих пор не нашёл. Вероятно, палачи изобретательны и терпеливы. Ведь антисоветский пыл Сенина-Волгина им определённо хорошо известен. Медлят? Очередь не дошла?

Татьяна тихонько подошла к мужчинам:

– Шура, давай мне. Я перепишу. У меня хороший почерк. Сенин-Волгин неожиданно рассердился:

– Пустое это всё. Зачем тебе, Лапшин, мои стихи? Собираешься ораторию писать? Вряд ли её исполнят когда-нибудь. Плюс не твой формат. Ты теперь, говорят, только про Сталина сочиняешь. Разгромили твою кантату? А что ж ты плохо старался? Не печалься. Следующую не разгромят. Исправисься.

– Я напишу ораторию на эти стихи, – жёстко и нервно отпарировал Лапшин. – Хотя я теперь и не композитор. Мне в этом отказано. Я – тапёр в кино. Вот как и Миша. – Он махнул рукой в сторону Шнееровича.

Лапшин ни на секунду не усомнился, что про разнос кантаты Сенин-Волгину разболтал его друг Шнеерович.

– Ладно, ладно. Ишь, раскипятился. – Сенин-Волгин примирительно взял Лапшина за запястье. – Давай предадимся

празднованию нового 1949 года. Кто знает? Может, он станет счастливым? А почему, собственно говоря, нет?

1973

Арсений спал крепко, но недолго. Проснувшись, он прислушался к тому, что происходило в квартире. Но ничего не потревожило слух.

Дверь в комнату, где он почивал, была плотно прикрыта. Родственники, видимо, хотели, чтобы ему ничего мешало.

В детстве перед сном он любил прибегать в родительскую кровать, лечь между отцом и матерью и натягивать одеяло на голову. В эти минуты всё его существо пронизывало чувство особой защищённости и физического счастья. Его редко пускали, и от этого восторг только усиливался. Потом, много лет спустя, такие же штуки проделывал и Димка, пока отец не перебрался на диван в кухню.

День, когда мать в прихожей трясла газетой и орала на отца так, что все остальные домочадцы готовы были провалиться на месте, должен был сложиться для Арсения совсем по-другому. 31 августа 1973 года оставался один день до того, как в консерватории начнётся первый его учебный год. С раннего утра он занимался: до остервенения играл гаммы и арпеджио. На первом уроке у профессора Воздвиженского надо показать все свои технические возможности, выглядеть зрело и серьёзно.

Десять лет в ЦМШ под крылом любимейшей Анны Даниловны Артоболовской завершились. Арсений мечтал попасть в класс к своему кумиру, Станиславу Нейгаузу, но сын «великого Генриха» в тот год никого из первокурсников не взял. Да и Анна Даниловна убеждала Арсения, что ему будет лучше поступить в класс к Михаилу Оскаровичу Воздвиженскому. Тот очень чуток, сам прекрасный пианист, а Стасик – хоть и гений, но взбалмошный, нервный, как с ним сложатся отношения – не угадаешь. Не всякому ученику у него комфортно.

Арсений всё равно жалел, что не доведётся ему поучиться у Станислава Генриховича. Но Воздвиженский так Воздвиженский.

Сначала Арсений услышал, как хлопнула входная дверь. Хлопнула по-особому: раздражённо и слишком сильно. Обычно в это время мама спускалась за газетами, но никогда она по возвращению так не стучала дверью. Что с ней? Или это просто сквозняк?

Арсений собрался выйти посмотреть, но не успел. За это время всё окружающее его пространство превратилось в истеричный крик:

– Что это? Как ты смел? Ты негодяй! Я презираю тебя! Не хочу иметь с тобой ничего общего.

Да Арсения не сразу дошло, что мать обращается к отцу. Только когда услышал его голос. Он что-то сбивчиво объяснял, но слов было не разобрать.

Арсений поначалу замер, осознавая, что происходит, потом вскочил и выбежал в коридор, но супруги уже шумно переместились в спальню, откуда после новых криков матери раздался звук пощёчины, сменившийся рыданиями.

Всё случилось внутри. Он испугался. В их доме до этого момента никто никогда никого не тронул и пальцем. Он протянул руку к двери, чтобы шагнуть в пекло родительской ссоры и убедиться, что всё это какое-то недоразумение, но его окликнул дед:

– Арсений! Иди сюда.

Старый Норштейн принял происходящее за случайную размолвку между мужем и женой. Не надо Арсению в это влезать! Мало ли что случается между людьми! Вспышка гнева мелькнёт, а потом ссоры как не бывало. И всё быстро затянется, как неглубокий порез.

Тающее глиссандо струнных.

Он почти силой взял внука за локоть и отвлёк обратно к инструменту. Пусть он лучше ещё позанимается. Завтра такой важный день для него!

Но глиссандо не растаяло, а расширилось до всесильного хаоса.

Арсений Храповицкий никогда не задавался вопросом, кого больше любит – папу или маму? А кто из них его любит сильнее? Размышлять на эту тему казалось дикостью. В их семье все друг друга любят одинаково. И так будет всегда. Как же иначе! Это было непреложно!

После рождения Димки он совсем не страдал оттого, что всё семейное внимание жадно сконцентрировалось на младшем брате. Он так был занят своими музыкальными занятиями, своей жизнью, что некоторое уменьшение родительской опеки воспринял спокойно. Он только-только начинал обвыкаться со своим взрослением, с тем, что взгляды его на многое менялись. В искусстве он открывал неисчерпаемость эмоций, от которых сперва робел, но потом погрузился в них с упоением. Дедовские пластинки были почти все переслушаны, а некоторые и не по одному разу, с такой же тщательностью он проштудировал живописные альбомы, имевшиеся дома. А лет с 14-ти его каждодневной добычей стали синие тома «Большой библиотеки поэта», стоявшие в их книжном шкафу в отдельном ряду. От некоторых прочитанных строк он млел, кожей ощущая то, что ему скоро предстоит испытать что-то совсем иное, взрослое, всамделишное, когда не жизнь, обустроенная, отлаженная, выбирает за тебя, а ты сам делаешь выбор и сам отвечаешь за него.

После того последнего августовского дня 1973 года, когда в газете «Правда» мать прочитала письмо деятелей культуры, осуждающее Сахарова и Солженицына, и обнаружила среди прочих подпись «О. А. Храповицкий», долгожданная взрослость кинулась на него исподтишка, сдавила горло, не давала дышать и не позволяла ни рассмотреть себя, ни от себя освободиться.

Он жил внутри какого-то кошмара, какие раньше суще-

ствовали только в его снах. На все его вопросы никто из взрослых не желал отвечать, изображая, что вопросы так незначительны и неуместны, что не требуют ответа.

Он терзал мать, потом отца, но они, не разговаривавшие друг с другом, лицемерно убеждали его, что всё в порядке. Когда он упрекал их в том, что они не общаются и что он требует объяснить, из-за чего они поругались, оба удивлённо замолкали и качали головами.

В квартире повсюду словно вырастали невидимые стены из льда, на которые домашние натывались в самых неожиданных местах.

Наконец дед, рассудив, что дальше тянуть невозможно, рассказал ему про письмо в газете «Правда» и про подпись отца. Арсений оторопел.

Выходит, из-за этого отец и мать поссорились так фатально? Но ведь Солженицын и Сахаров – действительно враги. Им в ЦМШ об этом на политинформации все уши прожужжали. Почему же мама так восприняла это? Что за чушь? В чём виноват отец?

Всё это он выпалил деду, на что тот кашлянул и тускло заметил:

– Всё не так просто.

– Что не просто? Объясни! – настаивал Арсений.

Дед тогда взглянул на Арсения испуганно, так, как никогда не смотрел:

– Прошу тебя, ты особо не распространяйся об этом. Зав-

тра бабушка из больницы возвращается. Не надо её во всё это впутывать...

— А как её не впутывать? Она же заметит, что папа с мамой не разговаривают.

— Ну, ты уж постарайся. Пойдём лучше, я послушаю, как у тебя Бетховен получается.

Воздвиженский сразу задал Арсению 32-ю сонату, невероятно сложную и музыкально, и технически.

1985

Вчера, счастливо засыпая после телефонного разговора с Аглаей, Димка никак не предполагал, что всё так обернётся. Ничего более важного, чем предстоящее свидание, сегодня не намечалось. Однако после того, пережитого утром, он совершенно растерялся. После стольких лет он увидел брата, а, возможно, скоро увидит и отца. Когда Арсений заснул, наполнив их всполошившуюся квартиру даже не храпом, а каким-то отчаянно протяжным свистом, мать взяла с этажерки толстенный телефонный справочник, нашла телефон Бакулевского института и позвонила туда. Димка и дед замерли с ней рядом и слушали разговор. Правда, о том, что ей отвечали, догадаться можно было только по её настороженному лицу.

Наконец она осторожно положила трубку:

— Сегодня его переводят в общую палату. Завтра его мож-

но будет навесить, — произнесла она устало.

— Ура! — одновременно, не сговариваясь, воскликнули Димка и Лев Семёнович.

Светлана Львовна помрачнела, печально оглядела комнату, не останавливаясь взглядом ни на чём, потом спрятала глаза.

— Я не пойду, конечно. А вы сходите. Вместе с Арсением. Если, конечно, хотите. — Слова она произносила с натужными паузами, словно для каждого требовалось особое обдумывание.

Димка и дед никак не среагировали, но любой, даже посторонний человек, догадался бы, что никто и ничто не помешает завтра им отправиться в Бакулевский.

Аглая попросила его в час дня подойти к памятнику Чайковского возле консерватории. На утро ей назначили консультацию перед экзаменом, а потом она, с её слов, совершенно свободна. В этом «совершенно свободна» Димке померещилось нечто чудесное, и пробудившаяся горячая фантазия выдавала картины одну заманчивей другой.

Вчера, перед сном, он ни с того ни с сего озадачился, как ему преодолеть путь от дома до консерватории: по Неждановой или по Огарёва?

Теперь ему было смешно от того, какой чепухой он вчера занимался. Тоже мне! Будто от выбранного пути что-то зависело.

Он шёл по Неждановой и топтал подошвами сапог плот-

ный снег с такой силой, словно мог продавить земную кору и скрыться под ней, как он скрывался, будучи маленьким, под родительским одеялом от всего того, что пугало своей непостижимостью. А вдруг отец не поправится? Вдруг он завтра его навестит, а потом не увидит никогда? И как со всем этим быть? А Арсений? Сколько он у них останется? И что они все вместе будут теперь делать со всем, что с ними произошло?

Всю свою ещё жизнь он прожил без брата и отца.

И ничего. Выдержал. Они – там, он – здесь. Они – старшие, он – младший.

Мысли роились над ним, как мошкара на юге роится в темноте около людских голов и плеч. И он не в состоянии был их отогнать. Мог только идти и терпеть.

Аглая и Димка знали друг друга, казалось, всю жизнь. Мало того, что они выросли в одном доме, они ещё частенько оказывались вместе в Доме творчества композиторов в Рузе, куда в 80-е годы после закрытия пионерского лагеря при Союзе композиторов дети и внуки членов Союза вывозились в большом количестве для пополнения их лёгких запасами подмосковного кислорода. В Рузе все дети держались вместе, вне зависимости от возраста, шумной ватагой перемещались по огромной территории, придумывая всевозможные коллективные забавы.

Никаких особых взаимоотношений у них не было. Соседи и соседи! Димка музыке не учился, и это сразу выносило его за скобки жизни Аглаи. Но этой осенью всё изменилось.

Однажды он, возвращаясь из школы, увидел её сидящей на скамейке на детской площадке напротив входа в Дом композиторов. Голова её утонула в ладонях, плечи немного содрогались, волосы безвольно свисали.

Неудобно пройти мимо: вдруг ей нужна помощь?

Выяснилось, что помощь действительно нужна. Вернее, не помощь, а просто человек рядом, способный отвлечь её от переживаний. На его вопрос: «Что с тобой, Аглая?» — она просто подняла на него глаза, словно не узнавая, потом шмыгнула носом и пролепетала:

– Ничего страшного! Не обращай внимания.

Он присел рядом.

Она вдруг достала из кармана куртки сигареты и, никого не стыдясь, затаилась к лёгкому ужасу Димки. Он никак не мог представить, что она курит.

– Ты домой? – ни с того ни с сего поинтересовалась девушка.

– Да. – Димка дышал дымом её сигареты и почему-то находил это приятным.

– Ты бы отошёл чуток. Сейчас табаком пропахнешь, и мать тебя взгреет.

– За что? Я же не курю, – удивился десятиклассник.

– Смешной ты. – Аглая улыбнулась, пленительно обозначая ямочки на щеках.

Согнал их тогда со скамейки только неожиданно хлынувший из прохудившихся небесных карманов резкий, по-осен-

нему безжалостный и самодовольный дождь. Аглая побежала в свой подъезд, а Димка в свой.

На прощание они энергично и радостно помахали друг другу.

Поднимаясь в вальяжно поскрипывающем лифте, Димка тогда внезапно, всеми клетками, всем своим горячим существом испытал немедленное желание увидеться с нею снова как можно скорее.

Скамейка, на которой они так мило провели время, вскоре стала «их скамейкой».

Из Димкиного окна хорошо просматривался двор. Когда был поменьше, он обожал смотреть в окно, узнавать внизу знакомых, а также фантазировать, что происходит в дальних окнах таких же высоких домов напротив и чуть поодаль. Особенно его забавляли бесшумные передвижения автомобилей, напоминающих с высоты игрушечные модели из его коллекции. Прежде он не выделял Аглаю среди многих гуляющих в окрестностях с домашними питомцами по вечерам, но после того их общения, прерванного дождём, как только замечал из окна, что Аглая появилась в фонарном московском свете с поводком в руках и с семенящим рядом псом по кличке Пуся, стремительно одевался, говорил матери, что ему хочется подышать перед сном, и прилеплялся к консерваторской студентке, чему она вовсе не противилась: вдвоём ждать, пока Пуся сделает все свои собачьи дела, куда веселее, чем в одиночестве.

Аглая быстро разгадала Димкину хитрость:

– Я обещаю звонить тебе перед тем, как соберусь выходить. Можешь не простаивать часами у окна.

Многие жители дома знали о разрыве Димкиных родителей и о том, что за ним последовал отъезд из Москвы не только Олега Александровича, но Арсения. Вряд ли кто-то решился бы ворошить это в разговорах с кем-то из оставшихся в Москве членов семьи. Но Аглая не видела в этом ничего страшного. Она часто рассказывала Диме о том, каким ей запомнился Арсений. Особенно её трогало, как он в Рузе ни с того ни сего завёл с ней разговор о симфониях Малера, будто она не ученица музыкальной школы на каникулах, а выпускница консерватории. А ещё она как сейчас видит Арсения на небольшом полупрофессиональном корте, в майке, шортах, красиво бьющего по теннисному мячу. Не в курсе ли Дима, как теперь живёт его брат?

Димку не задевала настырность подруги. Он жаловался ей, что страшно скучает по брату и подумывает на зимних каникулах вырваться в Ленинград, чтобы увидеть его и отца. Насчёт последнего он, конечно, привирал. Нагонял на себя взрослость.

Никто же не мог предвидеть, что Арсений так неожиданно объявится.

Лучше бы Аглае не говорить об этом. Ведь она однажды призналась ему со смехом, что долгое время была влюблена в Арсения. Но как утаить его приезд? Вряд ли это выйдет.

Всё равно вскрыется, что он здесь.

Не нравилось всё это ему! Сильно и жгуче не нравилось. Томили предчувствия и страхи.

Взглянул на часы.

До часа дня оставалось ещё семь минут.

Чайковский на постаменте сидел с плечами, засыпанными снегом, в привычно странной позе: правая рука лежит на пюпитре, а левая то ли дирижирует, то ли отмахивается от кого-то. Смотрел каменный Пётр Ильич аккуратно на перекрёсток улиц Неждановой и Герцена немного поверх голов.

Ветер усиливался, и редкие снежинки, до этого спускавшиеся на землю с меланхоличной грустью, задёргались в беспомощном испуге.

Димка перешёл на другую сторону улицы и остановился. Мороз доставал его через пальто, залезал под шапку, щипал за щёки и нос. Вчера, когда они договаривались по телефону о встрече, ничего не предвещало такой негуманной погоды. Вряд ли есть смысл тащить Аглаю гулять по такому холоду! А что же тогда делать? Никаких других вариантов своего первого настоящего свидания Димка не рассматривал. О кафе и речи быть не может. На это требовалось как минимум рубля три. Если он попросил бы у матери, то она пристала бы с расспросами, зачем ему деньги, а он намеревался хранить своё подлинное чувство к Аглае втайне как можно дольше.

Аглая выпорхнула из дверей учебного корпуса консерватории, остановилась, осмотрелась, увидела Димку, помахав-

ла ему, и он рванул к ней навстречу. Она просунула свою ладонь в кожаной перчатке ему под локоть, и он, немного смутившись, почти автоматически повёл её вниз по улице в сторону Красной площади. Рукой он чуть-чуть прижимал её кисть к своему боку, словно, если этого не делать, она может выскользнуть.

– А куда мы идём? – Несмотря на холод, Аглая была без шапки, и снежинки отчаянно стремились удержаться на её легких волосах. На плече, на тонком с металлической пряжкой ремешке у неё висела чёрная сумка на молнии, контрастировавшая со светлой короткой шубкой.

– Честно говоря, не знаю. – Димка остановился. – А куда ты хотела бы?

– Пойдём в «Космос». У меня кое-что от стипендии осталось.

Димка замер. Как унинительно! Она заранее предполагает, что у кавалера-школьника нет средств.

– Я не люблю сладкое, – соврал Димка.

– А там не только сладкое. – Аглая заговорщически подмигнула ему.

Кафе-мороженое «Космос», располагавшееся на другой от их дома стороне улицы Горького, – не последнее место в Москве. Димка слышал, что вечером туда трудно пропасть – все столики заняты. Конечно, он бывал там, но только днём. Хотя и сейчас день! Но есть предчувствие, что этот поход сильно будет отличаться от предыдущих.

– Пойдём-пойдём. У меня сегодня настроение отличное. – Она потянула его за рукав. От неё сильно пахло сладковато-терпкими духами.

– А почему отличное?

– Да просто так...

До этого дня Димка никогда не пил шампанское и не целовался. Не сказать, что он был чересчур правильным и стеснительным. Просто до Аглаи ему всерьёз никто не нравился, а насчёт спиртного мать однажды так сильно напугала его, что он относился к алкоголю как к абсолютному злу. Да и с весны этого года по телевизору только и твердили о борьбе с пьянством.

На входе в кафе молодых людей встретил представительный швейцар. Витенька, как назвала его Аглая. Димку это неприятно кольнуло: с кем она тут бывает? Когда они разделись в гардеробе и поднялись на второй этаж, он спросил у неё об этом. Аглая всплеснула руками:

– Это же Витенька! Кто же его не знает! У него ещё сменщик есть. Иван Михалыч! Тот колоритен, я тебе скажу. Как будто с киноэкрана сошёл.

Им принесли меню. Димка так оробел, что побоялся его сразу открывать.

– Что у тебя нового? – Аглая чувствовала Димкино стеснение, и оно ей явно не нравилось. Пожалуй, ещё чуть-чуть, и он начнёт её раздражать своей детскостью и непоседливо-

стью. Как она раньше этого в нём не замечала!

– Нормально. – Дима томился. Их прежние разговоры текли сами собой. Он силился восстановить их, чтобы зацепиться хоть за что-то, обрести раскованность, какую испытывал с ней раньше, но ничего не выходило.

– Ты какой-то сам не свой сегодня. Что-то случилось? Может, зря я тебя сюда потащила? Хочешь, уйдём? Тебе тут не по себе?

– Нет-нет, что ты. Просто замёрз немного, – выдумывал на ходу Дмитрий.

– Значит, тебе надо согреться.

Аглая повернула голову, и на этот её знак сразу подскочил официант, весь какой-то сладкий, прилизанный и то же время нагловатый.

– «Шампань-коблер». Два!

«Что она творит? Ведь сейчас со всем этим строго. Борьба за трезвость», – ужаснулся про себя Дмитрий. Но протестовать не решился. Будь как будет.

Официант в это время настороженно повёл головой в сторону юноши.

Лицо его скептически скривилось. Но Аглая сразу успокоила его:

– Не волнуйся. Всё в порядке.

– Чего он на меня так смотрел? – торопливо спросил Димка, когда халдей отошёл от них.

– Впервые видит тебя. А потому боится спиртное тебе

приносить. Сейчас с этим делом тяжело, сам понимаешь. Антиалкогольная кампания. Вдруг ты расклеишься? А потом родственники твои «заяву» напишут, что тебе алкоголь тут подавали. Вид у тебя не совсем взрослый. Не обижайся.

– Понятно.

Выходит, Аглаю тут не только знают, но и, похоже, слушаются – делал выводы Дима.

– «Шампань-коблер» – это вещь, – девушка вкусно причмокнула губами. – Не пожалеешь.

– Я никогда в жизни не пробовал спиртного. – Димка потупил глаза. Почему-то ему стыдно было в этом признаться.

– Ты такой славный, – Аглая протянула к нему руку и легонько коснулась подушечками пальцев его щеки.

У музыкантш кончики пальцев очень мягкие.

1949

Аполлинарий Отпевалов домой не торопился, хотя новогодняя ночь была уже в самом разгаре. Жена пригласила к ним на Новый год друзей семьи, которых Отпевалов не то чтобы не любил, а до иступления презирал, как пустых, лишённых воли и сопротивления, беспомощных существ, ходивших по земле только потому, что у органов до них ещё не дошли руки. Сын отпросился праздновать в компании однокурсников на даче одного из них, профессорского сынка. Пусть! Потом надо аккуратно вызнать у него, чем живёт ны-

нешнее доблестное советское студенчество, когда находится в праздничной эйфории и легко убеждает себя, что у них вся жизнь впереди.

Он сидел за своим рабочим столом, в своём кабинете, громко, никого не стыдясь, прихлёбывал чай, смотрел на портрет Сталина и улыбался.

Час назад он доложил Абакумову о результатах оперативных разработок и предложил свою стратегию их использования. Тот поначалу удивлённо поднимал брови, дивясь масштабности плана, потом откинулся на спинку кресла, закурил, взялся за телефон и вызвал своего ближайшего помощника. Нервно поморщился, когда тот вытянулся перед ним во фрунт, и приказал оказывать Отпевалову полное оперативное содействие по всем вопросам.

Теперь Отпевалов чувствовал себя победителем. От него, только от него одного зависит судьба этих интеллигентов, мнящих себя выше остальных, выше народа, только Абакумов и он в курсе всех нюансов и деталей той грандиозной игры, результат которой обещает быть ослепительным.

Сталин с портрета благословлял его.

1985

Из неудобного и навязчивого сна Олега Александровича вывел приятный мужской голос:

– Просыпайтесь, голубчик. Нам надо поговорить.

Олег Храповицкий открыл глаза. На деревянном стуле, рядом с его кроватью устроился мужчина во врачебном халате, в чересчур на вид громоздких, почти квадратных очках и с аккуратной маленькой бородавкой на правой ноздре.

— Ну что же. Поздравляю вас с возвращением с того света, — человек в белом халате изъяснялся интонациями чеховского героя во время дачного чаепития.

— Неплохо бы ознакомиться с подробностями. — Олег Александрович сразу проникся симпатией к этому уютному, внушающему надежду на то, что всё будет хорошо, эскулапу.

— Извольте. У вас был инфаркт. Этого достаточно? — Доктор засмеялся. — Давайте знакомиться. Меня зовут Вениамин Аполлинарьевич. Фамилия моя Отпевалов. Не очень подходящая для врача, но другой нет.

Бывает так: людям необходимо что-то обсудить друг с другом, но между ними столь плотное, будто залитое бетоном, пространство, что каждое их слово бьётся в него и отскакивает к ним обратно ушибленным и выхолощенным. А случается наоборот: между собеседниками образуется что-то наподобие воронки, которая принимает все слова и фразы, сцепляет их, создавая витиеватые цепочки взаимности, выходящие по красивым и законченным смысловым траекториям.

Ни Храповицкий, ни Отпевалов не отличались особой открытостью, не коллекционировали знакомых, не бросались сломя головы в новые дружбы, но обнаружили друг в друге

того, с кем давно хотели пообщаться.

— Вам повезло. То, как вы рухнули, заметил дежурный милиционер около ЦК партии. Он, не медля, вызвал «скорую» по спецсвязи и сообщил врачам, откуда вы вышли. И они оперативно привезли вас к нам... — Отпевалов поправил очки.

— Моему сыну сообщили о том, что со мной?

— Да. Конечно. Он уже в Москве. Сегодня был здесь. Говорят, очень взволнован.

— Когда его ко мне пустят?

— Завтра. Сегодня лишние переживания ни к чему. Сейчас вам поставят капельницу. Потом вам бы лучше поспать. Рекомендую прислушаться к моим рекомендациям.

— Я согласен. Вы внушаете доверие.

— Никогда не слышал такого в свой адрес, — Отпевалов засмеялся. — Обычно это подразумевается само собой.

Пока медсестра, та самая, розовощёкая, рыжая и пахнущая табаком девица, пристраивала к вене Храповицкого иглу, Отпевалов наблюдал за этим, встав поодаль и скрестив руки на груди.

Конечно, врачебная этика не предполагает праздного времяпрепровождения с пациентом, а тем более с инфарктником, когда тому только поставили капельницу. Но Отпевалову сейчас было на это наплевать. Неодолимая сила тянула его к больному, и он снова сел около него и приступил к расспросам. И расспросы эти вовсе не касались здоровья Олега

Александровича. Да и зачем спрашивать? Ясно, что кризис миновал. Предстояло долгое выздоровление. А возможно, и не такое уж долгое. Если сосуды ещё не окончательно изношены.

Храповицкого обрадовало то, что врач задержался. С ним он чувствовал себя много спокойней.

– Когда меня выпишут? – Храповицкий подтянулся на кровати повыше.

– Лежите спокойно, а то капельница выскочит. – Отпевалов обеспокоено приподнялся, чтобы посмотреть в порядке ли всё с иглой в вене. – Трудно сказать. Поглядим, как пойдёт выздоровление. Вы же молодой ещё! Зачем вам тут задерживаться надолго.

Они разговаривали вполголоса, чтобы не тревожить дремавших соседей Храповицкого по палате.

Литературоведу не терпелось выяснить все подробности своего состояния, однако этот настойчивый интерес наталкивался на сопротивление кардиолога. Он уводил беседу ближе к литературе, выводил, на чём специализируется учёный, как он смотрит на современных писателей, кто из поэтов ему нравится. Храповицкий про себя удивлялся такому интересу, но отвечал весьма подробно.

Когда Отпевалову вчера утром сообщили, что к ним угодила с инфарктом заместитель директора Пушкинского Дома, он порядком разволновался. За всю свою многолетнюю врачебную практику он никогда не лечил филолога. Видимо,

они от сердечных болезней сразу умирают.

Неужели можно будет показать кому-то свои стихи и получить наконец профессиональную оценку? Хотя сейчас рано об этом даже помышлять. Нынче пациенту точно не до его стихов. Но вдруг установится контакт? Случалось, что с некоторыми своими больными он доходил до полной открытости. Надо расположить его к себе.

– Не сердитесь за хлопоты, что мы вам доставляем, – попросил вдруг Отпевалов. – Думаю, вы быстрее восстановитесь в отдельной палате. – Доктор улыбнулся почти торжественно. – В самое ближайшее время вас туда переведут. Я сейчас дам такое распоряжение.

Прощаясь, Отпевалов сообщил, что о его здоровье ещё справлялась какая-то женщина.

– Кто же это? – удивился Олег Александрович.

– Представилась Светланой Львовной. Более ничего не скажу. Не в курсе. Мне дежурная сестра передала.

Храповицкий вздрогнул, будто по всему его телу прошёл разряд электрического тока.

Отпевалов всполошился:

– Что случилось? Плохо?

– Нет, – Олег Александрович через силу улыбнулся. – Всё в порядке.

Врач ещё побыл в палате некоторое время, чтобы убедиться в том, что не наступает новый кризис.

Николай Иванов

Иванов Николай Фёдорович – родился в селе Страчево Брянской области в 1956 году.

Окончил Московское суворовское и факультет журналистики Львовского высшего военно-политического училища. Службу начал в Воздушно-десантных войсках. В 1981 году был направлен в Афганистан. Награждён орденом «За службу Родине в ВС СССР» III ст., медалью «За отвагу», знаком ЦК ВЛКСМ «Воинская доблесть». Почётный гражданин Суземского района Брянской области. Награждён медалями: «За возвращение Крыма», «Участнику военной операции в Сирии». Председатель правления Союза писателей России. Автор более 20 книг прозы и драматургии. Лауреат литературных премий им. Н. Островского, М. Булгакова, «Сталинград», ФСБ России, «Золотое перо границы» и др.

Свете тихий

Возле магазина ходила женщина с топором.

Скорее всего, она просто кого-то ждала, но Дима Кречет попятился. Только что в приёмной главы района секретарша, принимая у него с Сергеем куртки, поинтересовалась, добрая душа:

– Можно вас повесить на один крючок?

Фраза не имела никакого подвоха, но они-то помнили, что приехали не просто на родину своего друга, а в партизанские края. Так что и за топором не лишним было бы присмотреть.

– Пароль – «Сорок девять», – прошептал Кречету Сергей, благословляя того на штурм стеклянной дверной амбразуры хозяйственного магазина.

С современными паролями гуманитарии, вроде Димки Кречета, на войне – первые кандидаты на отстрел. Названия городов или абракадабры про «славянские шкафы» канули в лету, уступив место всесильной цифре. Да и что может быть проще для распознавания врага: начштаба назначает паролем любое число, и часовой уже не кричит: «Стоять. Кто идёт?» Он сам называет первую пришедшую на ум цифру и ждёт с автоматом наизготовку, когда неизвестный прибавит к ней недостающие баллы. Арифметика, третий класс. Но Кречета боец под Пальмирой уложил мордой в вековую сирийскую пыль как раз после того, когда тот не смог быстро вычестить из сорока девяти услышанные «тринадцать».

Стражнице у дверей дела до посторонних не оказалось, в магазине они тоже пришлись не ко двору: продавщица дремала, улёгшись тройным подбородком на руки, мягкой периной разложенные по прилавку. Разлеглась бы наверняка и пошире, но локоть упирался в объявление: «Продаю свежий навоз. Самовывоз».

Вошедшим требовался амбарный замок, но Кречет не забыл про подначку с паролем и кивнул на объявление:

– Грамм двести пятьдесят не взвесите? Товарищ выращивает кактусы...

Заканчивал просьбу шёпотом: над прилавком начало

вставить что-то могучее, колышущееся, заполняющее собой место что вширь, что в высоту, а потому способное ухватить гвардии майора за шиворот и всё же повесить юмориста попартизански на персональный крючок. Выручая друга, Сергей затараторил о замке, заплатил за первый попавшийся и вытолкал Кречета из дверей.

На улице к женщине-лесорубу подкатил на разномастном мотоцикле муж. С головы на голову пересадил ей свой шлем, себе достал из коляски сетку от пчёл. В два притопа, три прихлопа завёл смесь «Урала» и «Явы», Шумахером погазовал перед стартом. Мигнув, как макака, красным задом, мотоцикл умчал топор в гудящий комарьём Брянский лес, выглядывающий из-за последнего уличного дома.

– Мужики! Сливы не нужны? – раздалось за спиной у приезжих. – Возьмите. А то у меня свиней нет, скормить некому. Пропадут.

Два ведёрка жёлтых, готовых от одного прикосновения брызнуть соком слив предлагал щедушный мужичок-старик. Он был минимум трижды не брит, майку прикрывал скособоченный плащ, но исцарапанные колючками пальцы цепко держали вёдра.

– Всего-то за 50 рублей, – уличного торговца привлекли, скорее всего, столичные костюмы и галстуки потенциальных покупателей. Москвичи для Суземки виделись людьми добрыми: за 50 рублей они могут проехать лишь один раз на метро, а тут – два ведра слив, выращиваемых целый год. Вы-

годнейшая сделка, кто понимает хоть что-то в торговле.

Но она даже добрым москвичам была неинтересна, но, затягивая паузу, мужик переключился на двух кошек, бредущих вдоль забора:

– О, две варезки идут. Одна будет чёрная, другая рыжая... А навоз у Клавки не берите. Кто берёт – потом пять лет вообще на огороде ничего не растёт. Даже бурьян. Выжигает. Во питание...

– Васька, не морочь людям голову, – вслед за кошками шла аккуратно одетая старушка-гимназистка с прутиком, которым, как гусей, направляла их домой. – Иди приведи себя в порядок.

– Э-э, – возразил ей с улыбкой мужичок. – В человеке главное – внутренний мир!

Дождавшись, когда наставница унесёт на голове на достаточное расстояние корону из накладной косы, поведал:

– Тёща. Бывшая. Собаку облей в мороз водой – околеет. А эта каждую зиму в прорубь – и опять хрен да ни хрена, ходит поучает. Так как насчёт слив-то?

Времени на пустые разговоры у друзей не оставалось, солнце клонилось к закату, но Васька не отставал, пошёл за ними и к машине. Оглядел её критически, хотя и не без зависти. Нарисовал пальцем рожицу на запylённом капоте.

– А у меня тоже... велосипед... был. Иномарка. Угнали. На двух колёсах, вообще-то, летает душа, а на четырёх возится брeнное тело, – с чувством превосходства дорисовал

рожице усы.

– Только вот всё, что между ног, – не транспорт, – не согласился быть мальчиком для битья Сергей, купивший джип лишь месяц назад. Кивнул на сливы, попробовав выехать на старой шутке: – 150 граммов в кулёк.

Мужичок несколько секунд вприщур глядел на шутника, оценивая степень оскорбления, потом медленно, не спуская с него взгляда, высыпал сливы под колесо.

– Если думаешь, что я тебе трусы на верёвочке, то глубоко ошибаешься.

Усмехнулся и пошёл вдоль забора, тарахтя пустыми ведрами как трещотками по штакетнику.

Кречет стукнул по лбу нарисованному человечку. Сергей проверил ударом ноги накачку шин. Молча влезли в машину, Дима включил радио. Москва, как болтливая баба, взахлёб рассказывала о себе в новостях, и единственное, что её заглушало, так это трещотка Василя. Юмор – он такой, он обжигающий, как сковорода без ручки. Собственно, человеку и даны два уха и только один рот для того, чтобы больше слушать и меньше болтать.

– Поехали, – принял на себя командование Кречет: старшим машины среди военных является тот, кто сидит справа от водителя.

Стараясь не раздавить сливы, Сергей развернул машину, выставив её широкую морду к лесу, поглотившему разноцветный мотоцикл. Зелёная стрелка на экране навигатора

уткнулась тоже туда, в извилистую лесную дорогу, которая и обещала вывести путников к нужной деревеньке. Баба Зоя, должно быть, уже заждалась заказанного замка...

Проплыли галки, расхаживавшие вдоль дороги в ожидании добычи валяжными гаишниками; склонившиеся до пыли слоновьи уши лопухов. Москва в эфире продолжала сплетничать, но уже про Питер. Рекламный щит, увешанный, как грудь маршала, бесчисленными наградами, призывал вернуться и купить новые окна для счастья на улице Коммунистической. Но нарисованный усатый человечек понёсся на капоте вперёд, словно желая оставить как можно дальше брошенные хозяином сливы.

Дом бабы Зои даже не искали – первый слева на центральной улице, в голубой цвет выкрашенный. Приставленная к калитке палка извещала об отсутствии хозяйки, зато на шум мотора примчалась на трёх лапах утыканная репейником псина. Присела чуть поодаль, выхлопывая смиренными глазами милосердие. Поймав на лету кусок колбасы, вмиг забыла об интеллигентности и принялась давиться деликатесом, гневно прорывав даже на тяжело прожужжавшую рядом муху.

– Я туточки, тута я, – прозвучало от дома напротив.

Раздвигая заросли мальвы около палисадника, к гостям зашмыгала в галошах на вязаные носки бабуля. Сил хватило дойти до середины дороги, на разметке из бараньего гороха

опёрлась о палку отдышаться. Подавшегося на помощь Сергея остановила издали: сама, не волнуйся сердцем впустую.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.